

**Военные
Приключения**

Орлиный ключ



ГЕННАДИЙ АНАНЬЕВ

Военные приключения

Геннадий Ананьев

Орлиный клич

«ВЕЧЕ»

2018

Ананьев Г. А.

Орлиный клич / Г. А. Ананьев — «ВЕЧЕ», 2018 — (Военные приключения)

ISBN 978-5-4484-7631-0

Завершилась кровопролитная Сталинградская битва, надломившая хребет ранее такой самоуверенной коричневой орде. Красная армия переходит в наступление, но на освобожденных территориях фашисты оставляют заранее подготовленную агентуру, забрасывают туда и в прифронтовую полосу многочисленные диверсионные группы. И вновь скрещиваются пути представителей старинных пограничных родов Богусловских и Левонтьевых. Былая дружба осталась в прошлом, теперь они беспощадные враги... Роман признанного мастера отечественной остросюжетной прозы.

ISBN 978-5-4484-7631-0

© Ананьев Г. А., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Геннадий Ананьев

Орлиный клич

© Ананьев Г. А., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Знак информационной продукции 12+

Глава первая

Самовар уже давно остыл, Москва укуталась в ночную темень, притихла, насторожилась, а дед и внук Богусловские, не замечая времени, продолжали нескончаемый разговор о войне, о фашистах, о воздушных налетах на Москву, прежде более опасных, теперь сильно ослабевших, но все еще беспокойных и разрушительных. Отвлеклись они лишь на малое время, когда пришла пора светомаскировки и Семеон Иннокентьевич, кряхтя: «Старость, внучек, не радость», – поднялся со стула и пошлепал к окну, чтобы опустить черные занавески и задернуть шторы, а уж после того зажечь лампу. С жалостью смотрел Владлен на деда, которого сравнил при встрече с пухлой периной. Теперь же ему виделось, что перинная взбитость уже заметно опадает, и мягкая, просторная пижама надета дедом для того, чтобы скрыть старческую дряблость рук и живота.

«Да, старость не радость, – повторил мысленно Владлен слова деда и тут же спохватился: – Да что же это я?»

Он поспешил на помощь. Пышущий здоровьем и молодой силой, ловкий и быстрый.

– Я затемню, деда, все окна. Ты садись, отдыхай.

– И то верно...

Потом они снова заговорили о том, о чем в те месяцы судили да рядили всенародно, ибо открылась тогда людям полной мерой иезуитская жестокость захватчиков. Потеснили фашистов от Москвы и воочию увидели все, что такое фашист. Почерневшие печные трубы над кучами золы вместо статных недавно домов, повешенные колхозники на столбах, светивших всего несколько месяцев назад теплым светом электрических лампочек, забитые до отказа расстрелянными орешниковые овраги – много тогда открылось людям такого, во что они никак не хотели верить. Да, читали и в газетах, что такое фашизм, слушали радио, но запало в душу многим не предостережение, а повторяемая иногда фраза, что рабочий класс Германии скажет свое слово, как и в восемнадцатом: «Руки прочь от Советской России!»

Не хотелось верить в то, что пролетарий-немец станет стрелять в пролетария-русского, а тем более – вешать его, насильничать над ним, пытаться изуверски. Никто тогда еще не знал секретных директив Гитлера, его столь же секретных речей перед верхушкой партийных функционеров, где рисовал он будущее мира, обескровленного, поверженного к ногам великой арийской расы, превращенного в концлагерь. Мало кто тогда читал у нас «Майн кампф», а еще меньше – популярные немецкие брошюры, рассчитанные на обывательское понимание философии Ницше, Шпенглера, Шопенгауэра, из которой и заимствовал античеловеческие идеи Гитлер, создавая свою «философию», суть которой была в открытом человеконенавистничестве. Не знали еще тогда советские люди о «Генеральном плане Ост», который предусматривал часть русских уничтожить, остальных расселить в Южной Америке и Африке, украинцев большую часть переселить в Сибирь, туда же согнать белорусов, не оставив в Белоруссии ни одного из них, а евреев уничтожить всех до одного.

Не ведал еще тогда мир о гитлеровском плане «колонизации Востока», который предписывал учить детей поработенной России лишь дорожным знакам, чтобы те не бросались под машины. Еще хранились за семью печатями в нескораемых сейфах гитлеровские приказ № 32, изданный за десять дней до нападения на нашу страну, а затем и приказ № 32б, которые несли одну главную идею: уничтожить, уничтожить и уничтожить... Ох как много тогда еще не было известно советскому народу, вот и складывалось этакое неверие в иезуитскую жестокость фашизма. Думалось: люди же!

Не люди, вышло. Нелюди! И когда наконец осознал это народ русский, налился гневом, и уж не только из любви к святой Отчизне брали в руки мужчины и женщины оружие, но и мести ради. Поднялась страна могучая. От границ до границ...

– Воистину меч занесли над миром! – говорил, гневаясь на захватчиков, Богусловский-старший. – Окровавленный! Лютый! А рука, его держащая, без чести и совести... Рубить меченосную руку нужно. Без пощады рубить!

– Отрубим, деда! Отомстим за все.

– Так-то оно так, только пятимся шибко. Вот, слава богу, потеснили супостата, только не побег он, как француз прежде. Выходит, есть еще у него сила. Иль мы еще не поднялись купно. Иль неумехи. Скорей всего, неумехи. Я уже не единожды ходил в Управление. Берите, говорю, меня обратно. Стожусь на доброе дело. Отмахнулись. Вежливо, но отмахнулись. Потом, верно, приезжали за советом. Всякий раз я их убеждал: негоже пограничниками дыры затыкать в обороне. Полосы прифронтovou охрану наладить – это куда важней. Коварен германец. Ох как коварен! Он хоть и сломя голову прет, но разведку и диверсантов успевает вперед пускать. Пограничникам, говорю, судьбой самой определено лазутчину всю эту – под корень. Мне отвечают, что, дескать, истребительные группы создаются из пограничников, охрана тыла сама, мол, собой, а истребительные группы, мол, ходят по вражеским тылам, штабы их бьют, сведения ценные собирают. Докладывают, что досталось штабам дивизии «Норд», «Северной дивизии СС», а «Голубую дивизию» полностью, дескать, деморализовали, поуничтожив изрядно солдатни ихней. Семь тысяч, сказывали. Вот, убеждают, и следует сюда основные силы бросать. А свои тылы, спрашиваю? Приказ, объясняют, НКВД СССР уже отдан. Начальники охраны войскового тыла фронтов назначены. Верно все. Только не осознали мы еще, сколь велика эта миссия и сколько сил на нее нужно тратить. И если уж в тыл фашисту идти пограничнику, так не главное, чтобы штабы громить. Войсковые разведчики для того есть. Нам следует искать шпионско-диверсионные базы и – к ногтю их.

Все, о чем говорил дед, Владлену было неинтересно. Одним диверсантом больше, одним меньше, думалось ему, что может от этого существенно измениться? Господство в воздухе, господство танков и артиллерии на земле, господство автоматического оружия и транспорта – вот что переломит хребет гаду многоголовому.

«Ворчит, нервничает, а чего ради? Мелочно, не масштабно...»

И выжидал момент, чтобы сказать об этом, но не обидев сильно, не вызвав нового потока доказательств того, что самое главное условие для победы – надежная охрана тыла.

– Забыты опыт и империалистической, – продолжал тем временем убеждать внука Богусловский-старший, – и Гражданской. Будто не научил нас немец ничему...

– Видимо, ты, деда, прав. Только я другое хочу сказать. Верно, ракета с земли – целеуказатель. Один лазутчик свел огромные усилия многих насмарку. Демаскировал объект бомбометания. Но, деда, если бы навстречу фашистам поднялись наши истребители да на земле бы зенитки заговорили хором – какой она, ракета, имела бы вес? Не оснасти Москву противоздушными средствами, что бы от нее осталось? Не сидели бы мы, деда, сегодня за самоваром...

– Изрядно палили – ничего не скажешь. Все небо в веснушках дымных. Прожекторы полосуют. А бомбардировщики летят себе и летят. И ухом не ведут. Пока истребители наши вертлявые не появятся. Нагляделся я на все это. Ох как нагляделся! В бомбоубежище ни разу не спускался и дома не отсиживался. Как тревогу объявят, я – на улицу. Поначалу ругались на меня, потом привыкли. Досталось, внучек, Москве. И фугаски сотнями летели, и зажигательные. Тех особенно много. И вот тут – паника. Да-да. Я человек военный и знаю, что такое паника. Что бы от Москвы осталось, не ведаю, не назначь Сталин комендантом пограничника. Заметь – пограничника. Генерала Синилова. Чтобы порядок навел. Быстро он паникеров вражеских – а они смуту начали, чтобы, значит, валом снежным она катилась, – да ракетчиков повыловил, лазутчине всякой мигом голову своротил. Оттого, внук, и выдюжила столица наша.

Дед стоял на своем, и Владлен больше не возражал ему, хотя недоумевал: как может военный человек не понимать главного? И неведомо было тогда молодому лейтенанту, что это их разногласие, мирное, без обиды, микроскопическое, не только злободневно, но и масштабно. В

самых высоких кругах зрело понимание того, что те, кто умело водил полки в сабельные атаки в годы Гражданской войны, отстал и тактически, и стратегически, что время требует их немедленной замены и что их авторитет в народе стал даже тормозом, ибо их просчеты не оспаривались, принимались все их решения на веру, без критического осмысления. А у тех, командиров Гражданской, была своя логика. Железная. Танки? Нет, они, конечно, не мешают, только что танк по сравнению с бронепоездом? Силища какая! Автоматы? Не меткие вовсе, а патронов не напасешься. То ли дело – трехлинейка. У хорошего стрелка бьет без промаха. Самолеты? Штука нужная. Да их вон сколько уже понаделали! На выставках международных даже показываем. Смотрите, какие мы технически мыслящие люди, побаивайтесь нас, ибо наши истребители самые быстрые и самые маневренные, наши бомбардировщики и транспортные самолеты вместительны и грузоподъемны. Мы даже десанты можем выбрасывать, чтобы малой кровью да на вражьей земле врага бить. Приезжайте на учение, смотрите на возможности наши, мотайте себе на ус. Только все это несерьезно, когда есть кавалерия. Везде она пройдет, все сокрушит. Чем остановишь сабельную лаву? То-то!

Они заблуждались честно, без злого умысла. Они, сами порядочные, даже не предполагали, что тактические новинки, показанные военным атташе на маневрах, тут же берутся на вооружение агрессорами, а на выставках, особенно когда показывался И-17, меньше было зевак, больше – специалистов. Это уж потом выяснилось, что «мессеры» фашистские куда как схожи с нашими истребителями. Но не себя обвинили авторитеты Гражданской войны, а конструктора. И даже новый его истребитель И-185, лучший в мире, не пустили в серию, ничего в том дурного не видя. Ну, одним больше самолетом, одним меньше – что изменится? У нас их и так больше двадцати типов. А для острастки, остальным в назидание – наказать конструктора не грех. Чтобы другие не разбазаривали своих изобретений. Хотя и это пустое все. Кавалерию пестовать нужно. Пехоту. Они – царицы полей. Вот их тактическое применение нужно держать в тайне. В полной тайне...

Даже когда поперли танковые клинья захватчиков, когда стали рушиться города и укрепления от бомбовых ударов, даже тогда не все поняли свои ошибки, цеплялись за старое, давя своим авторитетом все новое, так нужное для победы над сильным и опытным врагом. Но подспудный конфликт молодого со старым подошел к последней грани последней черты, и вот-вот должен был произойти крутой перелом. Причем открытый. Резкий, решительный. В то, однако же, время, когда спорили Богусловский-внук с дедом, не взорвалась еще звонкой бомбой пьеса Корнейчука «Фронт», хлестнувшая наотмашь по заскорузлости тактического и стратегического мышления. В тот вечер старый и юный Богусловские не считали, что разногласия их столь серьезны. Случись этот разговор немного позже, внук наступал бы решительней, а сейчас он, не желая обижать дедушку-генерала и даже сомневаясь (дед как-никак вон сколько лет в генералах) в своих выводах, вообще перестал перечить.

Дед же не унимался. Его будто кто-то подхлестывал:

– Вот так же и в Управлении рассуждают, как ты. Молодо-зелено. Вроде заводных игрушек: «Техника, техника...» Оснастить ею, дескать, погранполки – вот главное. И даже истребительным группам, говорят, хорошо бы придать танки и артиллерию. Самоходную. Эка куда гнут! О функциях пограничников вовсе забывают. Не о танках и пушках думать нужно, а о тактически грамотном использовании погранвойск. Кесарю – кесарево. Только, слава богу, не одинок я, сообща и убедим...

Вон как повернул дед-генерал! Вроде бы прав. А кавалеристы, должно быть, тоже столь же логично гнут свою линию. У пехотинцев – своя логика. Нет, не у рядовых бойцов и командиров, а у тех, кому дано право решать, но кто сам в боях давным-давно не бывал и продолжает представлять их такими, какие пришлось пережить в годы своей молодости. Так думал юный командир-зенитчик, сопоставляя дедовские утверждения с теми рассказами, которые слышал от преподавателя-фронтовика в училище.

Прибыл тот в училище, когда Владлену и его товарищам оставалось учиться меньше месяца. Болезненно худой, с левой рукой на перевязи (говорили, что кисть руки отсечена, хотя сам раненый об этом помалкивал) и прихрамывающий. Досрочно настоял на выписке из госпиталя и наотрез отказался комиссоваться. Писал, говорили, письмо самому Сталину. В Кремль. На фронт не пустили, направили преподавать. Почти каждый вечер захаживал он к курсантам-выпускникам. Опустится устало на кровать (нагрузки великие не только на курсантов, но и на учителей), поудобней уложит свою в толстых бинтах руку и посидит какое-то время молча, пока не скучатся вокруг него не только выпускники, но и ребята из младших групп, стриженные, юные, дети, по сути дела. Им в лапту бы еще играть, а они готовят себя к смертельным боям. Почти все добровольно пришли.

Самокрутку подадут рассказчику, тот затаится глубоко и начинает почти всегда с одной и той же фразы:

– Погибнуть в бою – дело нехитрое. Даже если пятки смажешь, догонит тебя пуля шальная, а то и снаряд. Хитрее – выстоять. Живым остаться. Победить...

Ему прощали это неизменное назидательное начало, ибо знали: дальше пойдет интересное. О смекалистых и храбрых, о неумехах и трусах. Причем без прикрас. Как было, так и было. Редко он давал оценки фактам. Расскажет о двух-трех боях и – хватит. Осмысливать услышанное оставляет самим курсантам. До горячих споров у тех доходило, до обид и, если совсем разнотык в мыслях случался, призывали в арбитры самого рассказчика. Те вечера были особенно интересны курсантам, ловили они каждое слово фронтовика, и это вполне объяснимо: они готовились воевать, они постоянно об этом думали и все, что касалось боевого быта, всасывали в себя, словно губки, воспринимая узнанное и сердцем, и разумом.

С тем, что запомнилось Владлену на одном из таких вечеров, и сравнивал он сейчас дедовские оценки и выводы.

Попросили курсанты в тот вечер своего кумира рассказать о ранении. Не сразу тот согласился. Словно перебарывал себя. Опасался будто чего-то. Закурил вторую самокрутку, что случилось с ним весьма редко. Затягивается раз за разом и молчит. Тихо в казарме, сидят ожидающие курсанты и уж поругивают в душе прыткого любопыту за неуместный, как видно, вопрос.

И только когда опалил ветеран губы кургузым бычком, рубанул воздух:

– Ладно! Была не была!.. Отходили мы. Связи нет. Народу подсобралось, а орудие одно – восьмидесятипятка. Двигаемся на восток. Знаем: фашисты вот-вот нагонят. Тут я и распорядился: на высоту орудие. Она, как сторож, у дороги стоит. Окопаемся, приказываю, насколько время позволит, и – прямой наводкой по танкам или машинам. В общем, что появится первым на дороге. А как боезапас, думаю, закончим – в лес. Он сразу за высоткой. Густой. Могучий.

Так вот, когда мы уже отрыли боевую позицию и начали щели для боезапаса готовить, ячейки для стрельбы стоя, появилась танкетка. Наша. Хотел я и ее на высоту, только командиры там оказались пехотные. Один из них, самый старший, похвалил нас и пообещал прислать подмогу. И верно: вскорости глядим – идут. Торопятся. Пограничники. Целая застава. Красноармейцы на первый взгляд, как красноармейцы, только фуражки зеленые. Но когда до боя дошло, дивились мы их храбрости и умелости.

Что творилось! И бомбы с неба сыпались, и снаряды с минами ливнем лились. Орудием своим мы всего-то и успели головной танк подбить да машин пяток с пехотой ихней. Не пустяк, конечно, только я о другом – остались мы лишь с винтовками и пулеметами, а высоту держали до самой темноты. Вот, думал тогда, прикрой заставу с воздуха, поддержи арт-огнем, ее бы с высоты той фашистам ни в жизнь не сдвинуть. А так... Полегло больше половины, остальные все, почитай, ранены. Десяток целых осталось – не больше.

К ночи, когда гитлеровцы за ужин взялись, мы покинули высоту. Да что там покинули – поковыляли, поддерживая друг друга. Те, кто не ранен, впереди, в разведке, и замыкающими, чтобы, значит, заслоном встать в случае чего. Обошлось. До утра без помех двигались. А на

рассвете вышли к речке. Топкая, хотя и не широкая. Не перейти нам, калекам. Пошли мост искать. Нашли. Только и он разрушен. Подрубили сваи наши, когда отходили. Что делать? Особенно тем, у кого ноги побиты? Кто-то даже предложил: «Назад по дороге давайте. Найдем удобный для обороны рубеж и – до последнего вздоха! Последний бой! Запомнят его фашисты!» Только пограничники нашли выход. Спустились в речку цепочкой и – доски на плечи. Хоть и шаткие, но мостки.

И вот, пока мы переправлялись по тем мосткам, фашисты уже тут как тут.

И раненные легко, и здоровые пограничники заслоном встали, нас защищая. Тех, значит, кто не то чтобы винтовку держать мог, а себя едва передвигал. Долго слышали мы тот бой. Очень долго. Фашистская артиллерия ухает, автоматы ихние строчат, а наши – одиночными. Поначалу, правда, пулемет тараторил, а потом умолк. Патроны, видать, кончились... Да, дай тем бойцам автоматы, артиллерией усиль... Трехлинейка против танков! Кем тех орлов заменишь?! Другие есть и будут, а тех – нет! Нет и не будет!

Тихо-тихо в казарме. Курсанты оторопели от такой откровенности. Им никто ни разу не говорил об отсталости в вооружении Красной армии. Напротив, о наших самолетах, артиллерии, о боевых кораблях и даже о танках преподаватели рассказывали с гордостью. Очень даже часто звучали слова: лучшая в мире техника, самая маневренная, самая быстрая... Да и изучали они, как им внушали, самые современные и совершенные средства обнаружения самолетов. И верно – одни радиолокаторы чего стоят. Прекрасная новинка. Система управления огнем тоже на уровне. А зенитные орудия? И скорострельные, по низким самолетам, и мощные, для больших высот. Все есть. Все сработано добротнo. И самолетов разноцелевых сколько! В два раза, почитай, больше типов, чем у фашистов. Вот они – силуэты. По всем стенам. Чтобы в память врезались. Отчего же без всего этого пехота бои ведет? Не все понятно курсантам. И боязно им. За себя, за любимого учителя своего. Не паникует ли? А они слушают паникера. Спросить с него могут по жестким меркам. И с них тоже. Война!

Большинство из тех, кто сидел в тот вечер в казарме, так и не поймут всего, что происходило в тот первый период войны, – не доживут до мая сорок пятого. Но даже и тем, кто вернется домой победителем, пропахав по-пластунски пол-Европы, не сразу доступной станет истина. И все же поворот в их понимании происходившего на фронте произошел именно в тот вечер, хотя споров по поводу услышанного не было. Опасались – вдруг что лишнее скажешь. А думать – думали. И спорили каждый сам с собой, где он – полновластный хозяин своим мыслям, своим выводам и оценкам.

И сейчас, слушая деда, Владлен возвращался к тем думам, к тем выводам из внутреннего спора, и выходило, что хоть и генерал его дедушка, а явно не в духе времени хлопочет, отстаивая свою точку зрения. Решил еще раз возразить:

– Как началась война, я, деда, на фронт поехал. Вернули. Обида грызет, а отец и говорит: какую ты, неуч, пользу там принесешь? И в училище тоже так нас настраивали. Моральный фактор очень важен, слов нет, но война нынешняя не война винтовок и пулеметов. Вот и следует вносить коррективы в военную стратегию, в тактику... Нам один преподаватель так говорил: основы войскового боя пересматривать нужно, уходить от традиционного понимания роли родов войск.

– Молодые вы да ранние, как я погляжу. Моду хотите диктовать. Переучиваетесь. Проку только от того, как выходит, не слишком много. Жидок навар. Встали бы, как отцы да деды наши, стеной – повернул бы несолоно хлебавши фашист. Пятки бы только смазал. Веками армия опыт накапливала, и плевать на него никому права не дано. Тем более – желторотым!

Не прятал сердитости и обиды Богусловский-старший, и снова внук удивлялся – не таким представлял он себе дедушку, потомственного военного, о ком в доме у них говорилось только с почтением. Не сходились концы с концами. Обывательски дед подходит к важнейшему вопросу времени, не как кадровый военный.

«Да, старость не радость!»

Больше Владлен не стал перечить, и вскоре беседа их приняла вполне спокойный и мирный характер. Внук рассказывал о новых противовоздушных средствах, дед слушал с интересом, но нет-нет да и бросал реплики-сомнения:

– Так уж метки новинки? Будут небось палить по-прежнему в божий свет, как в копеечку, а бомбы все одно достанут Москву...

– Теперь я, деда, ее прикрою, – отшучивался Владлен. – Ни одного стервятника не пропущу сюда.

– Ну-ну, дай-то бог...

Неслучайно, однако же, бытует в народе присказка: на бога надейся, а сам не плошай. Но Владлен оплошал. Утром, простившись с дедом, отправился он согласно предписанию в штаб Московской зоны ПВО, где тут же получил назначение и совет добираться в часть на попутных машинах.

– На КПП у Можайской дороги посадят. Машин много там. Вопросы?

– Все ясно, – отвечив лейтенант Богусловский и, браво козырнув, вышел из кабинета, хотя вопросы у Владлена, естественно, были: где тот самый КПП, который проявит о нем заботу, где начало Можайской дороги? Но стеснительно спросить, если только что на заботливый вопрос: «Где ночь коротал?» – ответил: «У дедушки».

Вышел на крыльцо, оглядел небо, заполненное серым бесцветьем, чтобы определить запад, куда ему предстоял путь, но услышал громкое:

– Куда направили, лейтенант?

Наматывая и разматывая цепочку с ключом зажигания, у обшарпанной полуторки замасленный шофер в артиллерийской фуражке, демонстрируя свое явное превосходство над молодым лейтенантом и вольготной позой, и формой обращения к старшему по званию, и тем, что, ожидая ответа, не перестал забавляться цепочкой, и особенно взглядом, каким обычно одаривают неумех желторотых. Шофер держался хозяином, который волен творить добро, но волен и не творить.

«Эка наглец!»

Иная субординация внушена была лейтенанту в училище, она становилась ему привычной, просто даже необходимой, и вдруг – такая покровительственная фамильярность! Первым желанием Владлена было желание отчитать бойца-шофера, напомнить ему устав, но он сдержался, прикинув:

«Вдруг на фронте обыденней все? Без чинов?»

– Так куда, лейтенант?

Владлен назвал условное наименование хозяйства, еще не зная, уточнять или нет номер полка, но боец уже радушно, даже с явной радостью, пригласил Богусловского:

– Наш, значит. Прошу в кабину. Считай, повезло тебе, лейтенант. До Нового Ерусалима легко доберемся, дальше по шоссе тоже ничего, а вот до нас... Дорога – черт ногу сломит. С другим бы пришлось тебе потолкать и попотеть с лопатой, а со мной – как по маслу. Ефрейтор я. Иванов. Звать тоже Иваном. Как удобней, лейтенант, так и зови.

Неловко чувствовал себя Владлен, ибо обязан был, по долгу старшего, одернуть ефрейтора, приказать ему обращаться по-уставному, но не делал этого, подчиняясь, вопреки своей воле, нахальной развязности. Только в разговор с шофером не втягивался, хотя тот и пытался выпросить лейтенанта его довоенную биографию, чему в училище учили и легко ли туда попасть.

Успокоился в конце концов ефрейтор, заключив пророчески:

– Молчунам, лейтенант, несладко в зенитчиках. Самолеты, они не часто над головами. Без разговоров душевных со скуки сдохнешь.

– Душевный разговор возможен между друзьями. Так мне представляется.

– Может, ты и прав. Только как это можно, чтобы зенитчик зенитчику не друг?..

Первый контрольно-пропускной пункт. Лейтенант Богусловский начал было доставать удостоверение и предписание, но шофер остановил его и, открыв дверцу, крикнул подходившему контролеру:

– Здравствуй, старшина! Груз у меня – штатный. Пассажир один. Зенитчик. К нам.

Пожилой старшина, в ватнике, из ополченцев, должно быть, козырнул в ответ и приказал открыть шлагбаум.

Пропустили их и на втором шлагбауме, тоже козырнув уважительно, и на третьем. Владлен спросил, не утерпев:

– Всех, что ли, так – на слово?

– Ишь ты, всех... За всю Русь не ручаюсь, а по трассе слух обо мне идет. Покольцевал я тут. Туда – снаряды и патроны, оттуда – раненых. ЗИСы, бывало, на рамы садились, а я буксовать почти не буксовал. Талант. А его, лейтенант, уважают.

«Неведома скромность, – с неприязнью заключил Богусловский. – Нахальством себе цену набил. Со всеми покровительственно на “ты”, вот и уступают».

Но вывод тот продержался у Владлена лишь до поворота с Можайского шоссе. Шофер остановил машину, неспешно обошел ее, приседая и рассматривая, все ли на своих местах под днищем, затем начал подпускать шины. Делал он это тоже без спешки, расчетливо: надавит чуток на ниппель и – пинок сильный по скату, второй, третий, еще надавит на ниппель, еще... И только, когда определит он с помощью пинка, что упругость стала такой, какая должна быть, тогда переходит к следующему колесу.

Чудно, кажется Богусловскому, ведет себя шофер Иван Иванов. Сколько он видел, все шофера перед трудной дорогой проверяют скаты, чтобы подкачать их, а этот осадил их наполовину. Расплютились, едва обода до земли не достают.

– Ну что, лейтенант, вперед! Благословясь, как отец мой, покойный, говаривал.

«Да как же тут ехать?!» – чуть не вырвалось у Владлена. Крутой спуск с шоссе и сразу – узкий, едва втиснуться машине, коридор в метровом снегу, уже заметно подтаявшем, потяжелевшем, а сама колея тоже не подарок: в ямах и колдобинах. До леса, где снега поменьше, около километра. Здесь бы верхом или, куда ни шло, на бричке. Но на полуторке?!

Машина тем временем, поскрипывая облезлой щелястой кабиной и покряхтывая мотором, сползла в коридор, потом подпрыгнула на первой ухабине и, вроде бы осерчав, заурчала грозно и, рыская носом меж высоких сосулистых стенок, поползла вперед, то ровно, то рывками, пробуксовывая с надрывным воем. Лес все ближе и ближе. Вот он – спаситель. Шофер сбросил газ и, остановив машину, вздохнул облегченно:

– Теперь дома, считай.

Владлен отер ладонью вспотевший лоб, и шофер не преминул пустить шпильку:

– Я крутил – у тебя спина взопрела? Ну, остудись чуток, да начнем качать. Диски иначе погнем на корнях.

Качали по очереди. Иван Иванов время от времени пинал покрышку, комментируя: «Еще малость», – и, только когда сапог упруго отскакивал от ската, шофер, сделав еще несколько качков для верности, изрекал:

– Теперь – в самый раз. Переходим, лейтенант, на следующий.

Владлен незаметно для себя перестал бычиться на вальяжность Иванова в обращении; «прокручивая» только что проделанный путь, он все более и более проникался уважением к этому на вид нахалистому бойцу.

«И колеса, должно, не попусту спускал, – думал лейтенант Богусловский, старательно работая насосом. – Мастер своего дела».

– Сомневаешься небось, для чего на скаты, почитай, посадил, а теперь до предела накачиваем? – будто уловил мысли Владлена Иванов. – Ну-ну, не гляди так. Все спрашивали. Это

ты чего-то дичишься. Так вот: не знаю в точности – для чего. Отец научил. Сказывал, снег цепляет лучше, когда мягче колесо. И по грязи тоже лучше. Семейный опыт, можно сказать. – И поднял палец, замерев. Потом кивнул: – Точно, летят. Застрянь мы с тобой на поле, крышка бы нам была. Как пить дать – крышка. Для фашиста машина – ох какая цель!..

Вскоре и Владлен услышал гул летящих самолетов. Знал он его, этот наплывающий гул. В училище приучали к нему. Робел поначалу от его враждебной необычности, но потом попривык, а вот теперь вновь почувствовал себя неуютно. Поежился невольно. И тут же – колкость. А может, заботливость? Своеобразная. Как знать!

– Не дрейфь, лейтенант. В сторонке мы. Шальная может шарахнуть, это верно. Только не будет ничего: везучий я. А если воевать торопишься, то, скажу тебе, зря вовсе. До отвала насытишься. Часом раньше – часом позже... Так что – не дрейфь.

Делает вид Владлен, будто не понял, что последними словами подсластил шофер горечь насмешки. А что делать, если и впрямь съежилась, леденя, душа?

А гул приближается. Грозно давит к земле. Едва ноги держат.

Вздрыгнул Владлен от близкого выстрела восьмидесятипятки, еще вздрогнул, еще и, себе на удивление, почувствовал, как расправляются плечи, а взгляд не тревожно выискивает, посыпятся или нет с неба бомбы, а жадно ждет удара снаряда в фашистский самолет.

Увы, белые розы разрывов пятнали небо то выше бомбардировщиков, то ниже, а те летели, даже не пытаясь менять ни курса, ни высоты. И вдруг:

– Ур-ра-а!

Невольно вырвалось у Владлена в тот самый миг, как клюкнул носом один из бомбардировщиков и полетел вниз догонять отбитое крыло. Детским восторгом пела душа.

– Ура-а!

Еще один самолет, задымив, начал заваливаться. Задержались остальные, расплзаясь по небу, и тут завывала, выбивая холодный пот, брошенная фашистами пустодонная бочка, а за нею, словно коршуны на добычу, ринулось в пике дружными тройками десятка два машин. Четко, отлаженно, как на параде. Закаруселили, не мешая друг другу и не давая передохнуть земле ни на миг. Уж не взрывалась она бомбами, не клацала крупнокалиберными пулями, а стоном стонала. Непрерывным, надрывным.

Вновь заняла душа у Владлена от одной мысли о том, что творится на боевых позициях зенитчиков: открыты они, будто на ладони, всем пулям и всем осколкам. Владлен какое-то время ничего не слышал, кроме непрерывных бомбовых разрывов, даже не сразу осознал, что зенитные орудия даже не снизили темпа стрельбы, а им на помощь пришли пулеметы, вплетая свой многоствольный говор в общий гул боя.

Владлен даже удивился, увидев, как загорелся в небе бомбардировщик и почти одновременно не вырuling из пике, прошитый пулеметной очередью, еще один фашист. Владлену показалось, что упадет он прямо на них, но он почему-то не испугался этого, а с равнодушием смотрел, как стремительно приближается к ним тупорылая машина.

Спасли деревья. Подмяв десяток вековых сосен, самолет полыхнул огнем. Ослепительным, жарким. Взрыв взвихрил снег с натруженных сосновых лап, и те облегченно и радостно закивали – и оттого, что остались живы, и оттого, что тяжелый весенний снег не станет больше отягощать их.

Шофер поднял слетевшую фуражку, отряхнул ее от снега и молвил довольно:

– Сказал же я, лейтенант, что минует нас шальная. Еще сотенка метров и – похоронка. Тебе-то особенно обидно: ни капли не повоевавши, погибнуть...

Слова эти, брошенные с беспечной веселостью, потрясли Владлена куда больше, чем сам бой зенитчиков с вражескими самолетами, чем вот этот близкий шальной взрыв, едва не доставшийся на их долю. Выходит, что нелепая случайность правит на войне. Смерти нет дела, ловкий ты и умелый воин, или недотепа и трус, – махает косою без разбора и без усталости. А

в училище им внушали, что смелого да умелого бояться и пуля, и штык... Отец тоже наставлял: без умения не осилишь врага, толку от смерти бесцельной мало, целым и невредимым остаться – вот мастерство. Врага уничтожать – вот обязанность солдатская... Как иронически воспринимались Владленом все те наставления! Каким беспомощным показался он себе после первого крещения! Не боем. Созерцанием боя.

«Кто я есть? Никто! Я – раб случайности. Она – всемогущий фактор на войне! Только она!..»

Он так был подавлен этим своим открытием, что воспринимал теперь происходящее вокруг как потустороннее, не живое, пролетающее мимо. Скажи ему в тот момент кто-либо, тот же, допустим, шофер, что не первый он так думает и не последний, что поначалу почти все паникуют от кажущейся безысходности, но потом привыкают к ней, приспосабливаются и даже отводят, предвидя ее, всякую роковую случайность, – скажи все это Владлену, он не то чтобы не поверил, он просто бы не воспринял сейчас ничего реально.

Он наблюдал за продолжавшейся дуэлью зенитчиков со штурмующими их самолетами, он слышал, как все новые и новые зенитные батареи там, ближе к Москве, открывали огонь, а гул вражеских бомбардировщиков, несмотря ни на что, все удалялся на восток, и, значит, все ближе фашисты были к цели, и это удручало его. Он даже представил себе, как спешат сейчас одни москвичи к станциям метро, чтобы укрыться от бомбежки, другие же, вооруженные длинными щипцами, на манер каминных, только массивней, торопятся занять свои боевые посты, чтобы сбрасывать с крыш заводских цехов и жилых домов зажигательные бомбы. Он вполне разделял гнев шофера: «Где же «ястребки»? Прорвутся ведь стервятники!» – и радость его, когда появились наконец наши самолеты, частью закружившиеся в лихих виражах с вражескими истребителями прикрытия, частью навалившиеся на упрямые бомбардировщики, и те, не выдержав еще большего упрямства наших асов, пустились наутек. Но все это воспринималось Владленом через главную свою мысль, через главное свое открытие: кому-то суждено уйти в небытие без всякого на то желания, но исходя из логики боя, а кому-то – совершенно случайно, от шальной пули, от шального снаряда...

Он еще не знал, что через каких-то полчаса получит реальное подтверждение своему выводу. Поковыляв по корявой дороге остаток пути, выехали они на лесную опушку, но не сияющую зеркально в лучах закатного солнца настовой своей чистотой, а всю истерзанную бомбами, исполосованную глубокими щелями и траншеями, начинались которые от оружейных позиций и тянулись, местами почти примыкая друг к дружке, к лесу, где меж деревьев бугрились землянки с тройными бревенчатыми потолками. Поодаль от одной из таких землянок стояли понурившиеся зенитчики возле убитых, приготовленных к похоронам товарищей.

– Вот так после каждого налета... – грустно проговорил Иванов, снял фуражку и добавил: – Пойдем, лейтенант, проводим в последний путь. Тебе они неизвестны, а мне... Сколько я им снарядов подвез! И даже подносил. Крепкие мужики.

Владлен не стал вслед за Ивановым протискиваться к убитым, он остановился у плотной стены из согбленных спин в шинелях, в ватниках, в полушубках и замер, не решаясь потревожить их скорбное безмолвие. Подойти туда, где стоял комбат, без доклада тому о своем прибытии лейтенант считал невозможным, а доклад представлялся ему полнейшей нелепицей в такое время, вот он и стоял вроде бы со всеми вместе, но в то же время будто один, ибо не было у него той скорби, которая господствовала у открытой уже братской могилы.

Прозвучал залп, второй, третий, и тут стоявший впереди Владлена боец сказал, ни к кому не обращаясь, а просто выплескивая свою боль, свою тоску:

– Так по-глупому погибнуть. Шальной, а в самый висок угодил. Лучший наводчик...

Кто из них, кого опускали сейчас осторожно в могилу, лучший наводчик, Владлен не знал; не мог он и представить себе, по какой такой глупости тот оказался убитым, но то, что шальной осколок оборвал человеку жизнь, этого было достаточно, чтобы вновь реальность

потеряла для Владлена всякий смысл, а всеподавляющая мысль о беспомощности человека на войне и подвластного лишь роковой случайности праздновала полную свою власть.

Позже Владлен узнал подробности гибели наводчика. Раненый, тот лежал в санитарной землянке, а когда начался бой, не выдержал, поднялся и проковылял, опираясь на плечо санитаря, в траншею, чтобы, как он настаивал, перед отъездом в госпиталь поглядеть на работу своего сменщика и посоветовать ему, если что не так, как поправить дело. Долго смотрел молча, потом похвалил: «Молодцом!» – и согласился уже вернуться в землянку, но вдруг обмяк в момент, даже не ойкнув: крупный и сильный осколок прошил висок. И в самом деле – роковая смерть. Но она не только еще раз убедила Владлена в верности его суждений, но и повлияла на его судьбу...

Сразу же после похорон лейтенант Богусловский доложил комбату по всей уставной форме и подал предписание. Тот взял осторожно, чтобы не загрязнить выпачканными в земле руками, но не успел даже развернуть его, как увидел торопливо идущего связного.

– «Редуты» засекли цель, – доложил тот обыденно. – Курс на Москву.

– Что ж их прорвало? – И пояснил Богусловскому: – Они все больше ночью, татями, а тут – днем. Еще и вот – вечером. Что ж, встречать нужно. – Помолчал, что-то прикидывая в уме, потом спросил: – Наводчиком сможешь?

– Смогу. Только...

– Вот и ладно будет, – словно услышал комбат лишь первое слово. – Вот и хорошо! Ребята – огонь. А наводчик – вон там, – указал пальцем в сторону братской могилы. – Двоих сегодня потеряли. Двоих... Так что пошли, познакомлю с расчетом. – Пошагал размашисто к траншее, бросив уже на ходу связному: – К бою объявляй.

Когда, бывало, в училище проносилось: «К бою!» – летели на учебные позиции курсанты сломя голову, а здесь и командир не спешит, и расчеты, не торопясь, поспешают по траншеям к орудиям. Удивительно молодому лейтенанту, непонятно. А спросить неловко. Отчего? Субординация? Или боязнь попасть впросак? Неуч, дескать, приехал. Только комбат – третий калач, знает мысли новичка. Поясняет, остановившись перед спуском в нужную им траншею-луч:

– РУСы наши на линии Вязьма – Ржев. Не близко от нас, сам понимаешь. А радиолокационные установки на сколько ловят?

– РУС-два на сто двадцать километров.

– Верно. Знаешь. Так вот, их, эти километры, пролететь нужно. «Ястребки» наши, кроме того, поперек дороги фашистам встанут. Тоже – задержка. Так что добрый час в нашем распоряжении. Для чего говорю? Чтобы не мельтешил. Бойцы, они мастаки оценки давать. Имей это в виду. Понял? Вот и ладно.

Обескуражен Владлен. Он не единожды «проигрывал» первую встречу с подчиненными, и свою роль в первом бою, отрабатывая, шлифуя точные команды, представляя себя спокойно-сдержанным, – он жил этой мечтой все дни после присвоения звания, и только первый бой, который пришлось ему созерцать издали, оттеснил его мечту, а вот теперь она возродилась, вызвав недоумение и даже обиду. Но перечить комбату Владлен не посмел.

А комбат, то и дело останавливаясь, продолжал наставлять молодого лейтенанта, говорил нужные вещи, но совершенно лишние, ибо нельзя загодя наполнить карманы рецептами от всех недугов, никогда не расписать жизнь, разложить ее по полочкам. Если есть у человека ум, человек найдется в любой обстановке. А ум как деньги: либо они есть, либо их нет. Одно отличие – займы ума не возьмешь. Но тогда и советы бесполезны.

Подожли к котловану. Расчет уже у орудия. Все на своих местах. И наводчик есть.

«Что? Вторым?» – недоумевал Владлен, вопросительно глядя на комбата. А тот, подавив невольную ухмылку, выслушал доклад командира орудия и представил бойцам Богусловского:

– Ваш новый командир взвода. Будет. Когда? Сам скажет. Пока – второй наводчик.

Вот так. Непрост командир батареи. Ишь ты – экзамен затеял! Ничего, после боя в командирской землянке можно будет поговорить об этом. Он, Богусловский, – лейтенант! Его учили прекрасные преподаватели.

Каким наивным покажется ему это возмущение, когда начнется бой, но особенно, когда он окончится!

– Ну что? С богом, как говорят, – кивнул комбат и пошагал по траншее к своему КП.

Ему еще предстояло многое сделать до появления фашистских самолетов. Не то что Богусловскому. Здесь всего ничего: опробовать сиденье, ручки поворотного механизма и на всякий случай оптический прибор для прямой наводки. Минуты какие-то. А что дальше? Девать себя некуда. Хоть бы скорее бой, чтобы избавиться от внимательных, словно рентгеновских, взглядов командира орудия и расчета. Сказать бы им что-то, но что скажешь? Бой пройдет, вот тогда... Если еще самолет будет сбит...

Вот наконец долгожданный гул. Нудный, волновой. И команда:

– Орудие к бою!

Все уж и так на своих местах, но положена команда, значит, положена.

Ровно и мощно идут бомбардировщики. Потрепали их наши истребители, но, как всегда, не остановили. Сдвинули стервятники свои ряды, заполнив бреши, и – вперед. На Москву. Фюрер повелел сровнять ее с землей. А воля фюрера – воля нации.

– Огонь!

Заговорила басовито лесная поляна, и тут же отвалил десяток пикирующих бомбардировщиков от строя и понесся вниз. Затявкали захлебисто мелкокалиберки, а минуту спустя затарахтели и счетверенные пулеметные установки, кинжалая полосу перед налетчиками. Ухнула одна бомба, другая, и сжался Владлен от мысли, что вот сейчас упадет следующая рядом и – все. Либо осколок шальной – в висок. Нет, он делал свое, положенное вроде бы исправно, но безотчетно. Он ни разу даже не задал себе вопроса, куда летят его снаряды. Он не видел, были ли сбиты фашистские самолеты другими орудиями или пулеметами – перед его глазами маячили лишь воющие, непрерывным колесом пикирующие бомбардировщики. Ему слышались лишь разрывы бомб и градный стук врезающихся в землю осколков, хотя стрелял он по высоким самолетам, чтобы остановить их, не пустить дальше, а затем, когда это не удалось, вдогонку, пока не принимала их на себя следующая противоздушная полоса.

Бой затихал. Штурмующие позиции зенитчиков бомбардировщики тоже уходили один за другим на запад, на отдых, подгоняемые захлебистым тьякканьем малокалиберок, а Богусловский продолжал ждать либо фашистской бомбы, последней, роковой, либо фашистского осколка.

– Все! Шабаш, братцы! Горючки тю-тю у энтих, – громко известил наводчик и еще радостней добавил: – Счастливый вы, товарищ лейтенант: никого из расчета даже не царапнуло! С таким командиром можно...

– Не командир я пока. Бой мимо меня прошел...

Нечасто командиры вот так, от сердца, говорят о себе подчиненным. Хоть трусит иной, но бодрится: храбрец, и все тут. Только разве от бойцов упрячешь бравостью поджатый хвост души?

– Верно, – согласился вполне серьезно наводчик. – Не все ладом выходило у вас. – И вполне искренне поддержал: – Но для первого, скажу честно, боя – больше чем сносно.

– Может быть, может быть... – опустошенно согласился Владлен, не находя сил подняться с сиденья.

Он бы так и сидел, неведомо сколько, не встрепени его сердитый девичий голос:

– Что, братцы-товарищи, мазали? Мы корректируем, а вы – ноль внимания! Приборы, что ли, испортились?

Владлен увидел вначале глаза. Возмущенные, сердитые, не злые. Доброта как бы просачивалась через сердитость. И лицо, по-русски пухлощекое, тоже казалось приветливо-радушным. И уж совсем диссонировали с сердитым голосом льняные завитушки, опушкой взвихренные по низу легонько сдвинутой набекрень шапки. Особенное же впечатление произвела на Владлена неуловимая элегантность девушки, хотя были на ней грубая стеганка, даже великоватая, такая же грубая синяя юбка до колен, кирзовые сапоги, и все же казенно-бездушная эта одежда не безобразила девушку, которая к тому же держалась очень уверенно.

С любопытством и каким-то непонятным еще самому восторгом смотрел Владлен на девушку, и ему очень не хотелось признаваться ей в трусости, но и кривить душой он не мог. Поколебавшись, признался:

– Наверное, я во всем виноват. Первый раз в бою. Ну и...

Он грустно и виновато улыбался. Не как командир. А как школьник в учительской на разборе поведения.

– Так это вы – наш новый командир? Да?

– Пока нет. Вот когда вы перестанете сердчать на мою плохую стрельбу, тогда... А зовут меня Владленом. – Поправился тут же: – Лейтенант Богусловский.

– А я – приборщица. Ефрейтор Чернуцкая. – И добавила: – Лида. Лида Чернуцкая.

Уловил Владлен Богусловский еще большую теплоту в искристых глазах девушки и смущенность. Зарделись и пухлые щеки. Но это вполне естественное состояние девушки, ибо говорила она с незнакомым юношей, красивым, чуть старше себя. Тронуло сердце Владлена, потеплело оно, и не понял молодой лейтенант в тот миг, что переступил он порог в иной мир – мир любви. Не вдруг тот новый мир станет безраздельным властелином его сердца и его разума – пройдут дни, пройдут недели, но первый лучик уже поманил в неведомое, волнующее, и он, этот лучик, больше никогда не ускользнет, не померкнет, даже в бою. На него поглядывая, станет Владлен подавлять робость души, стараться выполнять свои обязанности отменно, чтобы похвалила после боя Лида Чернуцкая.

Не так сразу такое свершилось. Но когда их оружие сбило самолет, она прибежала после отбоя и расцеловала наводчиков. Обоих. Владлену показалось, однако, что сделано это было ради него. Слишком уж пылали ее щеки.

После того боя он сказал комбату:

– Я готов принять взвод.

– Верно, готов. С богом.

Теперь лейтенант Богусловский и ефрейтор Чернуцкая чаще бывали вместе. Особенно им нравились ночные бои. Нет, для зенитчиков они не были боями, хотя все расчеты находились на своих местах, но действовали только одни прожектористы. Начиналось все, как обычно, с доклада радиолокаторщиков от Вязьмы: «Летят». Повольнят чуток противоздушники в землянках, спешить-то еще нет нужды, портянки раз да другой перемотают, чтобы ловко и тепло было ноге, хотя пути всего ничего, к тому же торный он, на ощупь каждая неровность окопного дна известна; ушанки тоже не просто нахлобучат, а подровняют на голове, чтобы от бровей положенное расстояние осталось и звездочка по центру легла, – вот тогда, застегнув на все крючки полушубки и подтянувшись ремнем, выбирались бойцы под морозный звездный купол, шли к своим орудиям и ждали, когда там, впереди, начнет нарастать гул и резанут по небу прожекторы, зашарят меж звезд, то стремительно перескакивая с небосклона на небосклон, то по-черепаши выискивая метр за метром. И вдруг словно вздрогнет какой-нибудь из лучей, обхватив блеском своим фашиста, – тут уж крутись он, не крутись, но не унырнуть ему в темноту бездонную: как примагничены лучи. Передают один прожектор другому по трассе, пока «ястребок» наш не вынырнет на стервятника из темноты, не прошьет огненной очередью.

В такие моменты Лида переставала даже дышать, и Владлену становилось жаль ее, так близко к сердцу принимавшую чужое горе, чужую смерть. Не выдержал как-то, привлек ее к себе, прижал, отгораживая от жестокой реальности:

– Ничего не поделаешь – война...

Она не отстранилась, но Владлен не почувствовал ответной доверчивости. Так, словно к стенке прислонилась. Задето самолюбие. Владлен даже не хотел в следующую ночь быть рядом с ней, но она подошла к нему сама, и только начали прожекторы высвечивать фашистов – она прижалась к нему, прошептав повинно:

– Жутко боюсь. Сейчас их – из темноты...

– Глупенькая. Они же – фашисты.

– Я не о том. Мне не их жаль. Невест и жен ихних. Любимы они. А может, и сами любят?

Воистину женская логика! Как серчала в тот первый раз на него, Владлена, за плохую стрельбу, за то, что не сбит ни один самолет, но там разве не могли быть любящие и любимые? Нет, она не укладывалась в сознании Владлена как сентиментальная пацифистка. Она – из добровольцев. Сама пошла убивать. Защищаясь, убивать. Выходит, понимает все правильно. Патриотка, выходит. Отчего же вдруг жалеет врагов-захватчиков?

«Сама кого-то ждет? Беспокоится о ком-то?» – подумалось Владлену, и тоскливо стало ему вдруг рядом с этой уже, можно сказать, любимой девушкой.

Обнимать ее и знать, что она думает о другом, – такое Владлену казалось нелепицей, и он спросил прямо:

– Ты сама ждешь? Ты боишься за своего любимого?

Лида молчала, но Владлен почувствовал, как она, расслабленная, робкая, вдруг напряглась отчужденно. Он спросил еще настойчивей:

– У тебя есть кто?

– Не знаю. Похоже, да.

– Кто?

– Ты...

Глава вторая

Все шло, по пониманию Дмитрия Темника, прекрасно. Сам он матерел и, даже не замечая этого, стал стеснять всех, где бы ни находился. Если проводил совещание в своей землянке, казалось, будто он один чувствует себя вольно, все же остальные плотнятся у сырых стенок, тесно всем остальным. Если подходил к костру, какие любили мужики-партизаны разводить недалеко от базы на кургузой полянке, то словно нависал, прессуя его, над уютным молчаливым кружком. Если проходил чинно, с чувством достоинства по базе ради инспекции или просто ради общения с рядовыми бойцами, коих в отряде набиралось все больше и больше, всем становилось тесно. И только когда Темник уходил «в мир», к Пелипей, все вздыхали облегченно. Не замечал Дмитрий Темник, что становится неудобен ближним своим, но, если бы ему кто и сказал об этом, он, наверное, ответил бы теми же словами, какие бросил отец его, Дмитрий Левонтьев, брату своему Андрею в далекой, прокаленной солнцем азиатской пустыне: «Было бы мне ловко – остальные потерпят...»

И то сказать, сколько добра он сделал этим вот мужикам, – которые, если бы не он, давно бы догнали, кого где пуля засадная застала. А так – почти все живы. Все операции прошли так, что, как они сами оценивают, лучшего и желать не следует. А счет операциям солидный.

И только сам Темник знал, что гибли от пуль партизан лишь те, кто становился неудобным либо рейху, либо шефу-щеголю, а взрывы на рельсах не причиняли особого зла, ибо разрушения быстро немцами устранялись. Но то, что ведомо было командиру партизанского отряда, оставалось тайной за семью замками для всех остальных. Оттого и рос авторитет Темника, оттого и прощали ему высокомерие. Даже порывистый Рашид Кокаскеров, поначалу пытавшийся вносить поправки в предлагаемые командиром планы, теперь соглашался с ним безоговорочно.

Темник диктовал, но делал это, стараясь не изменять им же самим заведенный порядок проводить «совет тройки» перед каждой операцией. И хотя ему наперед был известен каждый ее этап, он выслушивал всех и, если хоть что-то могло вписаться в тот план, который получен от Пелипей, он без жадности хвалил такое предложение и принимал его. Иногда вместе с Воловиковым и Кокаскеровым приглашал он и Акимыча, а на все последние совещания и Первого, с которым, как казалось Темнику, сумел он установить нужные ему отношения.

На первом же совещании, куда пригласил его Темник, Первый пытался лидировать, к чему он привык за многие годы. Привык, чтобы ему не возражали. Темника это, однако же, не устраивало, но и идти на прямой конфликт он не имел ни права, ни возможности: ему нужна была связь с Большой землей – так велела Пелипей, передавая постоянно, что шеф ради такой связи готов идти даже на жертвы. И Темник старался немного сбить, не отлучив вовсе от дел отряда, лидерские привычки Первого. Не сразу это ему удалось. Только зимой.

Выпал уже первый снег, когда эсэсовцы пригнали партию заключенных на облюбованное для концлагеря место и те начали рубить бараки. Лес, благо, под боком. Первый тут же предлагает совершить налет на охрану и всех заключенных освободить. Темник, естественно, против. Не может же он действовать без команды шефа? Прислали еще одну партию. Вновь тот же спор. Темник стоит на своем: в лесу лежит снег, как ни петляй, эсэсовцы со следа не сойдутся. Весны Темник предлагал дожидаться.

– А люди пусть гибнут по нашей медлительности?! – упрямылся Первый. – Не отсиживаться нам нужно, а действовать.

– А мы и действуем, – спокойно возражал Темник. – Действуем!

Верно, действовать отряду шеф-щеголь позволял. Подбрасывали партизанам и опальных карателей, и взрывы мостов, не очень нужных, и железнодорожного полотна (далеко для этого приходилось ходить) позволялись, но налеты на концлагерь были запрещены до особого ука-

зания. Как понимал Темник, до тех пор, пока не будет уверенности, что освобожденные могут быть переправлены за линию фронта. Темник, как ему казалось, проникал в замыслы шефа-щеголя, понимал их; они вполне его устраивали, и он послушно исполнял их, надеясь в будущем, после войны, получить за это приличное место на иерархических насестах. Первый же толкал на ослушание. Особенно настойчивым стал он в рождественские морозы. От райкомовцев шли связные, и каждый их приход подливал масла в огонь, ибо их сообщения были однообразно-тревожны: пленные гибнут в недостроенных бараках от холода. Просьба высказывалась тоже одна: уничтожить немецкий гарнизон и освободить заключенных. И пока пригонят новую партию, морозы спадут, строительство концлагеря пойдет без таких великих жертв.

– Райком может взять операцию на себя, объединив усилия нескольких отрядов, – доказывал Первый. – Люди гибнут! Люди! И мы не вправе быть безразличными!

Что ему ответить? Не долговечны, мол, морозы. Дескать, после Рождества цыган уже шубу продает. А так и хотелось сказать, что раньше вам, партийцам, о людях думать нужно было. Да и им самим, людям, свой ум тоже иметь не мешало бы. Тут, в этом концлагере, капля в море. Добрая уж половина России трупами устлана, а скоро и остальная успокоится, грешная, под танками Великого рейха. И тебе, функционеру районного звена, не велик срок отпущен людей баламутить. И мужиков-партизан, кто тебя слушает, один конец ждет – смерть. Если, конечно, не одумаются.

Только не скажешь ничего этого до времени. Пока нужно играть с Первым и с другими в прятки.

В данный конкретный момент предстояло Темнику переупрямить Первого во что бы то ни стало, чтобы не вызвать недовольства шефа-щеголя и конечно же Пелипей. Первый, однако же, твердо стоял на своем. Его начали поддерживать. Вначале Воловиков, а затем и Кокаскеров. Только Акимыч соглашался, что не худо бы повременить до чернотропа. Но после того, как Первый в горячке полемики бросил Акимычу: «Вот уж не думал, что труслив ты! Знал бы – никогда не рекомендовал бы в председатели», – тот стал на совещаниях помалкивать. Не против, но и не за. А один, как известно, в поле не воин. И Темник сдался, заявив, что сам он умывает руки, часть отряда для операции выделит, но не больше.

Пелипей конечно же была предупреждена, и все окончилось трагически. Эсэсовцы, как только партизаны, считая, что они нападают внезапно, кинулись в атаку, открыли огонь из пулеметов и автоматов не только по атакующим, но и по баракам. Не вдруг поняли партизаны трагичность своего положения. Им бы отступить, не мешкая, а они продолжали лететь вперед и натыкались на пули.

Остатки выделенной из отряда группы пришли на второй день, приволокли на пулеметных волокушах и там, в лесу, спешно сделанных санях раненых. Среди них был и Иван Воловиков. Изрешеченный пулями, без сознания, пергаментно-белый от потери крови. Ничто, казалось, его уже не может спасти, и тогда Первый запросил самолет. Он, что оказалось совершенно неожиданным для Темника, давно уже имел связь с Большой землей, но держал это в полном секрете, работал сам на рации, которая стояла в его землянке и о которой Темник ничего не знал.

«Ну жук! – возмущался Темник. – Поиграй-поиграй в тайну... Кто последним в нее играть будет – вот главное!»

Пока, однако же, ничего поделать Темник не мог. Не пускают к рации, значит, не пускают. Не лезть же лбом вперед...

Самолет прилетел в условленную ночь. Ткнулся на приготовленную спешно площадку. Привез взрывчатку, огнеприпасы и... радиста. Совсем мальчишку. Поразмыслил над всем, что произошло за последние дни, Темник и вполне остался доволен. Связь есть. Пацана-связиста можно легко переиграть. Юность доверчива! Первый основательно подорвал свой авторитет, и теперь можно было решительно стоять на своем: хватит, дескать, нам одной самодеятельности.

Матерел Темник, спокойно делал свое дело и вовсе не думал, что Первый все более и более ему не доверяет, что собирается он проверить и его, Темника, и Пелипей. А началось это недоверие после провала операции, когда долгими бессонными ночами анализировал Первый весь ход подготовки к операции и пришел к твердому выводу: фашистов кто-то предупредил. Но не вдруг подозрение упало на Темника. Да и трудно даже подумать, что фактически убитый фашистами человек мог служить им.

Шли дни, проходили недели, зима пятилась, как ей и положено, на весну глядя. Первый, поставивший райкомовцам задачу выявить провокатора, нервничал, ибо никакой ясности не появлялось; он уже начинал сомневаться, правилен ли его вывод, но, как ни крутил, все сходилось к одному: фашистам дали знать. Кто?

Ошеломил его один факт. Собственно, не факт, а фраза. Приговорили в отряде к смертной казни двоих полицаев. Зверствовали те невероятно. Инициатором суда был Темник. Он и председательствовал на суде. Для подготовки к исполнению приговора собрал Темник совещание. Обычный совет отряда, только без Воловикова, комиссара отряда. Помянули добрым словом отправленного на Большую землю, уверили себя, что выходят его врачи и вернется он. Затем Темник, как обычно, стал выслушивать мнения Кокаскерова, Акимыча и Первого, взвешивал все «за» и «против», что-то отвергал, с чем-то соглашался – все шло положенным на совещании порядком. И вот план принят. Днем решено расстрелять извергов-полицаев. И не в их домах, а предварительно вывести их на улицу. Пусть хоть кто-нибудь да увидит. Пойдет тогда слух от деревни к деревне о мстителях.

– Не рискованно ли? – спросил Первый. – Может, лучше ночью? Потерять можем людей из-за предателей. А факт расстрела будет широко обнародован. Райком постарается.

– Все будет в порядке! – самоуверенно бросил Темник. И будто осек себя. Так показалось Первому.

А подозрению только появиться, оно о себе дальше само позаботится, не отступится – отмахивайся от него сколько тебе хочется. Грех даже подозревать столько пережившего человека в чем-то враждебном, а то, что отряд без больших потерь действует, разве плохо? Конечно, не плохо, но...

Мстители и в самом деле приговор привели в исполнение без всяких осложнений. Никто их не преследовал. Вроде бы Темник заранее знал исход дела. Или вот... На базу ни разу даже не пытались фашисты посылать карателей. Болото мешает? Другие отряды тоже не на «ладошках видных» места выбирали, а им уже приходилось единоборствовать с эсэсовцами. Один отряд базу вынужден сменить. Только и теперь непокойно ему. Потому как – активен. Правда, там и объектов побольше, там оживленней. А здесь? Впрочем, и Темник не бездельничает. Не отсиживается за болотом. Ну а если вдуматься серьезно – щепки одни. Значительного ничего отряд не сделал. Но их-то, райкомовцев, от мучений и смерти спас...

Трудно обвинить человека. Очень трудно...

И, быть может, избавился бы Первый от навалившейся на него подозрительности, будь Темник хоть чуточку осторожней. Но нет, заматерел он. Много себе позволял. Даже Пелипей стал навещать довольно часто. Даже перестал объяснять, что, дескать, для корректировки действий, для отработки очередных операций. Один к тому же стал ходить. Без охраны. Много раз даже ночевать оставался. Великий риск.

Отчего и ему, и Пелипей все это с рук сходило? Словно не было глаз у фашистов в каждом селе...

Не знал ничего этого Темник, не ведал, уверенно себя держал, готова главную, как он говорил, операцию отряда – освобождение всех заключенных из концлагеря. Одно было непривычно: план ему на этот раз не разработали. Пелипей предложила Темнику, чтобы он сам выбрал вариант. Оставалось одно: посоветоваться не формально, а взаправду. Пригласил одного Кокаскерова.

– Очередной объект наших действий – концлагерь, – официально, давая сразу почувствовать, что он приказывает и, значит, не склонен к совещательной полемике, заговорил Темник. – Ты водил туда людей и на себе почувствовал, чем может окончиться неподготовленная операция. Две недели тебе сроку. Отбирай для разведки любых партизан, иди сам в разведку – любые твои действия одобряю, но через две недели должен быть ясный план наших действий. – И добавил уже доверительно: – Пелипей никак не может найти выхода на концлагерь. Как слепые поэтому мы.

– Что ж, идущий и пески одолеет, – ответил Рашид. – Сегодня я и пойду с твоего согласия.

Не возвращался он несколько дней, и даже Темник, знавший, что разведчикам вреда фашисты не станут причинять, не будут их попросту замечать, заволновался. Что взбредет в голову щеголю-шефу? Может, он, Темник, стал уже не нужен?

В целости вернулся Рашид. Глаза у всей группы квелые, веки будто колтун отяготил. К тому же и не в настроении. Пообедали, однако же, с превеликим аппетитом, а потом спали по двойной норме. Но едва протерли глаза – вновь пошагали через болото.

– Бедолаги, – посочувствовал Акимыч. – Пятерик взвалить и то легче.

Темник тут же шпильку в бок Первому.

– Трудно без информации. Отряд не имеет пока там своего человека, а от райкома помощи – ноль без палочки.

Промолчал Первый, проглотил неприятную пилюлю. Да и как иначе? И в самом деле, ничего у райкомовцев не выходит. Двоим уже задание дано, а дело на месте топчется. Впустили бы эсэсовцы полицаев в охрану – другое дело. Если же быть честным до конца перед собой, его все это время больше интересовал вопрос, кто провалил первую операцию. Основные усилия на разрешение этой загадки направлялись. Зряшнее, может, подозрение? Ложная, может быть, посылка? Но, если даже не ложная, фактов пока нет, и, стало быть, живи и продолжай борьбу с захватчиками рядом с теми, кого подозреваешь. Предложил:

– Мое мнение: объединить усилия всех отрядов...

– Мы уже сыты, – ухмыльнулся Темник. – Терять боевых товарищей?! Избавьте. Пусть никто к концлагерю не суется! Мы сами!..

– Позиция удельного князька! – сердито отвечал Первый. – Не партийный это подход к делу!

Это уже серьезно. Шаг назад необходим. Только не вдруг. Можно немного поершиться.

– А проливать кровь бесцельно – партийно?

– У нас великая цель – освобождение Родины от фашистской чумы! Ради этого...

– Мы говорим о разных вещах. Я утверждаю: сломя голову бросаться на врага бессмысленно. Не самим нам гибнуть, а его бить нужно. И не следует, – с ухмылкой закончил он, – недомыслие наше, плохую нашу организацию прикрывать величием цели. Народ верит нам, и никто не дает нам права пренебрежительно относиться к нему, не жалеть его, не беречь! – Помолчал немного и закончил уже примирительно: – А насчет объединения? Нужно подумать. Я подумаю.

Оставил последнее слово за собой. Никого он не должен пускать к концлагерю, такой он имеет приказ и сделает все, чтобы выполнить его. Ну а помощь других отрядов? Может, от нее не следует отказываться? Только в своих руках бразды правления держать.

«Впрочем, пусть Пелипей с шефом решают...»

Через день от нее прибыл связной. Сообщил: случайно удалось узнать, что охрану концлагеря собираются усилить, увеличив вдвое гарнизон. Темнику ясно: торопят его. Позвал Акимыча. И Первого пригласил. Заставил связного повторить сообщение Пелипей.

– Они усиливаются – нам тоже нелишне стянуть людей в кулак, – заговорил Первый, когда связной вышел из землянки и Темник, как обычно, предложил высказывать свои соображения. – Я только в этом вижу положительное решение вопроса...

Да, Первый упрямо гнул свою линию, и Темник понимал, что не отступится он, ибо разумность удара крупной группой очевидна. Задача, в общем, для него, Темника, весьма сложная. Если шеф не даст согласия, выхода без послушания практически нет. Темник решил направить со связным свои соображения по этому поводу, но не вдруг же ответ вернется, нужно поэтому выиграть время.

Ответил решительно:

– Не об этом пока речь. Сейчас нам нужно немедленно готовить операцию. Пока эсэсовцев не добавилось. Поднимем весь отряд. Только охрану оставим. И, естественно, вас, – кивнул Первому Темник. – Рисковать партийной головой района я не имею права. Тем более, что операция не ахти какая. Все. Совещание окончено.

Акимыч крикнул недовольно, но смолчал. У него, видимо, имелся какой-то свой резон, но, если его не хотят слушать, значит, не нужен он вовсе.

Не настаивал на своем и Первый. Подчинился. Разумно, подумал он, поспешить, а сбор сводного отряда займет много времени.

Темник доволен, что отступился Первый. Понимал – не насовсем. Оттяжка вышла, и то слава богу. Велел построить отряд. С оружием, как по тревоге.

Прошел вдоль строя. Посмотрел у нескольких партизан винтовки и автоматы, не ржавые ли. Нет, блудут порядок мужики. Именно мужики. Одет кто во что, оружие разнокалиберное. Какие, кажется, вояки из них? Но видел Темник их в деле. Зло дерутся. Не страшатся немцев. Не раз и не два лезли ему предательские мысли: посильно ли Германии подмять Россию? Именно подмять. Согласных с фашистами мало. Ох как мало! А тех, кто противится по-всякому, с оружием ли, молча ли протестует – землю не пашет, скот не растит, хотя и сам голоден, – таких несметно. Вот этих бы всех вояк сейчас из пулемета! Всю ленту выпустил бы!

А строй хмурость командирскую по-своему воспринимает. Неприятные вести, похоже, получил. Бой, похоже, предстоит. Каратели, может, наострились сюда.

Заговорил наконец командир. Громко и властно:

– Великое милосердие нам предопределено! Как только вернется начальник штаба Кокаскеров, выступаем на операцию. Освобождать концлагерь. Всем отрядом пойдем. Лишь одно отделение оставим для охраны базы. Готовиться начнем теперь же. Больше пота в учении – меньше крови в бою.

И началось. Прохаживаются меж землянок Темник с Акимычем, а партизаны незаметно окольцовывают лагерь, сосредоточиваются для броски. Молниеносного, стремительного. И вот почти все готово, но тут Акимыч кликнет кого-либо из мужиков, колхозников своих бывших:

– Чего винтовку выпялил? Не ветка она – видать ее.

Шевелится подлесок – уходят партизаны на дальнюю поляну выслушивать упрек и назидаание Темника.

– Сколько погибло в прошлый раз? То-то. Ящериц незаметней стать надлежит. Ясно?

Уж куда как ясно! Только уж больно зорок Акимыч. Всем это ведомо. С давних пор. Еще с довоенных лет. Появится, бывало, на току и сразу все непорядки видит: кто ни шатко ни валко работает, только видимость хлопотности создает, кто по зерну топчется, перелопачивая его, а кто и впрямь как для себя делает – таких похвалит, нерадивцев же в краску вгонит. Такой он, Акимыч. Немца-фашиста что не провести! А смоги Акимычу на глаз не попасться...

Раза четыре до обеда повторяли маневр. Пообедав, сызнава начали. До семи потов ползали. Под вечер сжалился Темник, объявил отбой, пообещав продолжить учебу завтра.

Но завтра выпало иное. Еще рассвет в силу не вошел, а они, подкрепившись поплотней, чавкали по болоту след в след за Кокаскеровым, возбужденные предстоящим боем.

План им уже объявили: на гарнизон отряд не нападает – все произойдет в лесу, куда каждый день пригоняют заключенных рубить лес для барачков, но больше на вывоз. В концлагере только больные остаются и почти весь гарнизон. При лесорубках же охрана невеликая – пять

эсэсовцев: устанавливают они четыре пулемета по углам делянки, а один, с автоматом, подбадривает стеклом заготовителей. Чуть кто замешкается – удар. Так с самого утра и до вечера. Перерыв на обед в два часа.

Задача у партизан такая: переночевав в лесу, окружить делянку еще до прихода заключенных. И сразу же, утром, начать операцию. И хотя до лагеря далеко и гарнизон фашистский, кроме одного постового, будет спать, лучше провести ее тихо. Пулеметчиков – ножами. И только того, со стеклом, – снайперской пулей. До полудня, когда приезжают повозки с баландой для заключенных, освобожденные уже подойдут к болоту.

Всем виделась легкая и быстрая операция без большой опасности, оттого так возбужденно-бодро двигался отряд, замыкал цепочку которого сам Темник. Он тоже, казалось, поддавался общему настроению, мысли его, однако, были ох как далеки от тех, которые бодрили партизан. Темник никак не мог отмахнуться от вечернего разговора, который случился вскорости после ужина. Пошел он по нужде, и тут к нему словно прилепился красноармеец. Один из спасенных сельскими бабами. Повелел едва слышно:

– Оставьте меня на базе. Предлог найдите любой. За секретарем необходимо присмотреть. И еще совет: оглядывайтесь почаще на свои дела.

И растворился в сумеречной размытости. Будто почудилось все это Темнику. А говорок приглушенный звучал в ушах, сердце билось непокойно, тревога вползала в душу. Выходит, поступал он как-то не так, совершил какую-то промашку. И чем все это неведомое обернется? Да вроде бы нет никакой промашки. Все ладом. А в мозгу сверление: «Оглядывайтесь почаще на свои дела».

Чем больше он осмысливал то, что произошло на тропе к уборной, тем больше признавался себе, что действительно перестал оглядываться назад. Он уже начал совсем забывать, что неспроста еще двое отставших от колонны военнопленных оставлены фашистами в живых. А оно-то вон как оборачивается! Рядовой, а диктует. И знает, выходит, больше его, Темника.

«За секретарем необходимо присмотреть...»

Вот тебе и раз! А ему, Темнику, думалось, что все с Первым в полном порядке. Под контролем тот. Спесь сбита с него.

«Что-то не то!..»

А что? Разберись попробуй, если не все тебе известно. Если даже здесь, в отряде, за твоей спиной идет своя работа, вовсе тебе не видимая, если тебе не доверяют полностью и водят тебя за нос.

Темник и в самом деле не знал многого. Никто ему не доложил, что перед ужином пришел к Первому связной от райкомовца – церковного сторожа. Всего несколько минут длилась их беседа в землянке Первого, затем связной поспешил в столовую. Подал свою чашку без очереди.

– Невтерпеж, – беззлобно подначили мужики-партизаны связного. – Оголодал, что ли, аль назад топать неволя?

И тут же совет-просьба:

– Передохнул бы ночью, порассказал нам, чем мир живет-дышит. Бабы как наши?

– Куда! – отмахнулся связной. – Завтрава. Первый к батюшке наострился. Неладно у них что-то там. Прознали они аль догадываются о предательстве.

– О ком они? Кто враг – он в полицаи пошел...

– Мне-то вовсе не ведомо. Иль они мне что лишнего скажут? Конспирация!

– Тогда ты благочинному поклонись от нас, пусть у бога победу вымаливает, а мы подсобим автоматами, – на полном будто серьезе советовали партизаны, лукаво перестреливаясь взглядами. – Автоматная очередь молитве большое подспорье.

Не прятал связной тайны, ему доверенной. Да и от кого прятать? От сельчан своих, с кем столько штофов опорожнено, столько поту соленого пролито, да и кровушки в Гражданскую и в схватках с кулацкими бандами? Только зря он все это делал...

Тут как раз разведка вернулась. Вскоре Темник нарядил связного к Пелипей. Срочно. На ночь глядя. Но тот все же позволил себе выкурить самокрутку с бывшим красноармейцем. Они давно уже сдружились. Если выдавался отдых связному, вместе всегда были, а перед уходом обязательно подымят на пенечках. Все молча больше. А потом уж – в путь.

Вскоре после сегодняшней самокрутки и поднырнул к Темнику с просьбой своей забытый им «глаз шефа».

Самого главного, с чего, собственно, и образовалась странная просьба, Темник тоже не знал. Раиса Пелипей побывала у священника. Нет, не на исповеди. В доме побывала. Ходила по просьбе шефа. Чтобы предупредить, как будто своя, об опасности. Недовольны, дескать, немецкие власти его проповедями, возмущают они людей на непослушание. Вызнала, дескать, что намерены арестовать его. Вроде бы вполне оправданная миссия, да что-то лишнее сказала Пелипей, допустила какую-то оплошность, вот и возникло у священника, а особенно у церковного сторожа подозрение. Послали они срочно связного к Первому. Предупредить бы его, чтобы никому ни гу-гу, да невдомек. Каждому, считали, известно, что не в оловянные солдатики игра идет и нужно ли о конспирации много говорить. Раз связной, значит, связной. Кому велено что передать, тому и передавай, иным всем, клещами пусть вытягивают, ни слова. Вышло же вон как. Плохо вышло. Не предупредили – вот и распустил язык.

Ни одна сторона из всего случившегося пока ясного для себя вывода не сделала, но «глаз шефа» решил на всякий случай не допустить встречи попа с секретарем райкома. Канет он в Лету, и – все. Если не успеет засада – один справится. Живым, может, тогда не удастся взять, но болото укроет грех. Если же дело пойдет по его предложению, тогда... Тогда шефу карты в руки.

Как бы вольно дышалось Темнику, знай он все это! А он мучился мыслями. Шагал, однако же, бодро за длинной партизанской цепочкой.

Вот наконец твердая земля и прекрасной густоты подлесок. Хоть дивизию прячь. А партизаны еще осторожней стали, посылая дозоры не только вперед и в бока, но и тыл не оставляли без пригляда. И только когда спустились в непролазно-хмурый овраг и, выставив охранение, расположились на отдых, напряжение спало. Тут уж никакой неожиданной засады фашист не устроит.

Блаженность, однако, постепенно уступала утомительности – от ничегонеделания, от ожидания ночи. А мысли всякие в голове, когда руки не заняты. Иные партизаны даже сетовать начали: для чего, дескать, так задолго из базы вывели? Обложит ненароком фашист, как медведя в берлоге, – куда деваться? Тут много не навоюешь. Вспоминать стали не ко времени ту зимнюю операцию, о погибших заговорили, как о живых. Темник же доволен: пусть тревожатся, пусть души наизнанку выворачивают, а пройдет операция хорошо – авторитета ему еще добавится.

Ночь подошла. Не летняя еще – особенно не разоспишься. Костерок бы, только не велено даже курить. Дым есть дым. Его в кулаке не укроешь. И с каким удовольствием пошагали партизаны к месту засады, когда поступила на то команда! Потом каждый так себя упрятывал в кустах, чтобы сорока и та не затараторила бы, появившись она поблизости.

Почти для всех партизан лежанием в кустах так и закончилась операция. Едва заря уступила место солнечной ясности, как запылела колонна заключенных и вскоре уже разошлась по полянке. Вот уже застучали топоры, завжикали двуручные пилы, запонукал горластый ээсовец, прохаживаясь по спинам и головам заготовителей стеклом под одобрительные восклицания других охранников. Потом четверка ээсовцев, вскинув пулеметы на плечи, разошлась по своим углам, вовсе не думая, что это их последние шаги в жизни.

Дальше все произошло по плану Рашида Кокаскерова. Даже партизаны не видели и не слышали, как разведчики порешили пулеметчиков, и для всех совершенно неожиданно хлестнул одиночный выстрел, от которого ткнулся носом в грязный мох эсэсовец-понукагель. Распрямылись узники, оторвавшись от работы, а потом попадали, прижимаясь к поваленным деревьям, чтобы укрыться от пулеметных очередей, что глядят зловеще стволами по углам делянки. Но летят мгновения, вековечно долгие, а тихо вокруг. Только поодаль птахи свиристыят.

Самые смелые начали поднимать головы, озираясь тревожно и удивленно. Что произошло? Чудо – и все тут! А вот и явь: Темник с Кокаскеровым вышли из лесу на делянку.

– Вставайте. Вы свободны. Без шума всем построиться и сюда, в лес. Пойдем на партизанскую базу. Быстро пойдем. Очень быстро!

Кто-то крикнул было «ура», но на него цыкнули и с лихорадочной спешностью, еще не веря счастью и боясь выстрелов в спину, бросились в лес, который укроет от лихой пули, от злого взгляда, от ненавистного стека.

Всяким виделся и видится русскому человеку лес. В нем, фантазией взрощенный, царствовал леший; в нем избушки мучились на курьих ножках, укрывая за своими бревенчатыми стенами злых или добрых колдуний; здесь вольничал Соловей-разбойник – гроза богатеев нечестных; у леса отвоевывать приходилось мужику-славянину земли пахотные; но лес обогревал, из леса строили дома и терема, в лесу ломали веники для парных бань, а самое главное – лес укрывал от степняков-налетчиков, помог выстоять в иговое лихолетье да так и остался в нашем понимании спасителем. В лесах же скопила Россия силы против татар-извергов. Французы тоже испытали на себе силу партизанскую, укрывал которую до срока лес. И вот теперь, когда застонала земля советская под игом чудища многоголового и многозезового, лес приютил в чащобах своих мстителей, патриотов земли вольной.

Вот теперь и для тех, кому судьба вдруг подарила право вздохнуть свободно, лес-спаситель был в первый момент самым желанным убежищем. Но человек всегда остается человеком. Через сотню-другую метров обессиленные дистрофики уже откровенно досадовали на то, что корни деревьев цепляются за ноги, низкие сучья бьют по лицу, рвут ветхие, полуистлевшие одежды, а кустарник непролазной стеной встает на пути, – им нужно скорее уходить, им надо убежать, лес же мешаает, лес выматывает силы.

Многие бы, забыв от бессильной отчаянности обо всем на свете, остались бы лежать в ерниках, если бы не партизанская помощь. Отряд двигался позади освобожденных, и каждого, кто падал в изнеможении, партизаны подхватывали и сноровисто, словно изюбри, прошмыгивали липкую еловую густоту. Теперь-то они полной мерой осознали, для чего вывел их командир загода и дал вдоволь отдыха.

И еще одна предусмотрительность, на сей раз Акимыча, оказалась весьма кстати – нарезанное небольшими кусочками свиное сало. Как неприкосновенный запас выдали его партизанам, и вот теперь без остановки, ибо им нужно было очень спешить, подкреплялись те сами и подкармливали освобожденных.

Подрысили наконец к болоту. Темник оставил заслон, остальным приказал, не дав даже малого времени на отдых, двигаться вперед с максимальной быстротой. Сам же, замкнув теперь уже совсем длинную цепь, с трудом передвигавшуюся в вязкой жиже, беспрестанно торопил людей:

– Шире шаг! Поспешите!

Только как это сделать? Почти у каждого партизана подопечный. Сами тоже из сил выбиваться начали, но не бросить же горемык-заморышей? Не тяжелые они – кожа да кости, но в долгом пути и соломина гирей кажется.

Сухой остров на пути. Где без малого год назад отдыхали мужики-партизаны, когда несли на носилках и его, Темника, и других пострелянных военнопленных. В самую пору вспомнить

о том и тоже дать привал, ибо, если каратели идут по следу, пока их держать станет заслон, минуют они второе болото. А там – окопы. Там – пулеметы. Да еще и целое отделение совершенно не уставших бойцов. Увы, Темник поступил вопреки логике, не позволил даже остановиться. Оставленный здесь небольшой заслон предупредил:

– Смотрите не засните. Жизнь всех нас в ваших руках.

Нет, он не лукавил. Он не знал, каковы планы шефа-щеголя. Не продолжит ли тот игру еще дальше? Нельзя же вовсе оставить партизан без преследования – на живульку иначе все будет стегано. Правда, времени для того, чтобы освобожденные не попали под пули, будет достаточно, но зачем прохлаждаться? Вперед! Ему же прямо было предложено действовать осторожней – зачем же вызывать подозрения медлительностью? Пусть торопятся. Пусть спотыкаются.

– Шире шаг!

Доволоклись наконец до базы. Темник, хотя мог бы, как все остальные, повалиться на пухлую землю, принялся распорядиться. Акимыча с оставшимся для охраны отделением послал в помощь второму заслону и велел, проверив там все основательно и проинструктировав, возвращаться назад.

– Первый заслон пусть тоже на острове останется. Если что – слали бы спешно донесение.

– Услышим выстрелы, случись они, и без того.

– Выстрелы выстрелами, а донесение ясность полную внесет. Знать будем, нужна ли им помощь.

К кашеварам затем поспешил, чтобы поскорей ужин готовили, хотя видел, что спят все и только пушкой можно их разбудить. Но не мужики-партизаны и освобожденные его беспокоили (пусть хоть с голоду подохнут все) – он авторитета своего ради старался. И пыль в глаза Первому пускал.

Но что-то тот не спешил встречать победителей.

«Сеанс связи, что ли?..»

Но нет, не вышел и через четверть часа. На пороге его землянки появился радист-юнец, а самого не видно. Не сам же переговоры ведет?

Не выдержал, хотя очень хотелось, чтобы не с докладом идти, а быть встреченным почтено и уважительно, направил стопы свои к райкомовской землянке.

– Где сам? – протягивая руку связисту, спросил Темник, ожидая скорее не ответа, а уважительного приглашения: заходите, дескать, в землянке он.

Связист, однако, не только не пригласил, но даже не посторонился. Ответил совершенно спокойно:

– Ушел он. Вскорости после вас. Без него выходил на связь. Через два часа очередной сеанс, вот и жду. Подойдет, надеюсь.

– А если не успеет? – без всякого пока еще расчета поинтересовался Темник и тут же, не ожидая ответа, добавил, ибо возник у него план, пока еще не совсем четкий, но уже видимый: – Мы не пустые пришли. Без помощи никак не обойтись. Оружие. Боезапас. Питание, наконец. Селам непосильно столько нахлебников...

А мысль уже прокручивает вчерашний тайный разговор на темной тропинке. Выходит, «глаз шефа» знал то, что проглядел он, Темник. Чем для него теперь обернется этот просчет? Упреком? Выволочкой? Или... Что-то наваливаются неприятности в последние дни одна за другой. Плохо. Думать нужно. Думать. И действовать не только расчетливей, но и, главное, смелей. Пусть не раба в нем, Темнике, видит шеф-щеголь, а мужа. Воина. Смелого. Даже дерзкого. И первым самостоятельным шагом пусть станет его разговор с руководством за линией фронта. Пусть там закрепится его имя – имя командира партизанского отряда.

Но тут ушат холодной воды приостановил его смелые прожекты. Связист парировал спокойно:

– Без хозяина не могу принимать никаких донесений.

– Что ж, подождем самого, – согласно кивнул Темник и спросил: – А позвать Кокаскерова можешь?

– Конечно. Только в землянку, прошу, не входите.

Зряшное предупреждение. Темник вовсе не собирался нарушать те строгие правила, которыми руководствуется присланный из центра радист: зачем ему, командиру партизанского отряда, действовать примитивно? Он избрал другой путь. Он поведет дело так, что радист сам позовет его в землянку. И приглашение Кокаскерова – первый к тому шаг. Темник считал, что оставленных в заслоне людей вполне достаточно, но решил при радисте дать задание начальнику штаба отобрать срочно и послать для усиления заслона еще группу партизан с двумя пулеметами, поставив им, кроме того, задачу поскорее привести, если он появится, на базу Первого. Ответил радисту:

– Не беспокойся. Постерегу, пока сходишь.

Основательно принялся инструктировать Темник Рашида Кокаскерова, как действовать, объединив силы первого и второго заслонов, особенно настойчиво повторял, что, если случится нападение, слал бы срочно связного, и это даже удивило Кокаскерова: что он, ребенок несмышленный? Попытался даже остановить Темника:

– Все ясно. Веревка хороша длинная, слово – короткое.

– Особенно прошу поторопить секретаря райкома, – словно не слыша реплики начальника штаба, продолжал Темник. – Выдели сопровождающего. Объясни: отряд втрое увеличился, нужны продукты, оружие нужно, рекомендации нужны. Как поступить с освобожденными? Здесь всех не разместишь, да мы тут и своими силами фашистам спать не даем. – Самодовольство зазвучало в этих последних словах. – Туда, за линию фронта, выход срочно необходим, а без хозяина вот он, – кивнул на радиста, – не может этого сделать. Инструкция...

– Дело делать советчиков много находится, – не отдавая отчета, Кокаскеров лил воду на мельницу Темника. – Жизнь по параграфам инструкций не рассуешь!

– Так-то оно так, но... Ты, главное, поторопи Первого. Положение может сложиться критическое.

Камень брошен. Не поднял вроде бы он волны, кольцами разбегающейся по водной ровности, радиста вроде бы не тронул разговор двух командиров, но это только так казалось. Потом, когда нажим Темника станет основательным, умело разыгранная сцена эта окажется далеко не последним фактором, повлиявшим на уступчивость радиста. Но до того времени еще далеко, к тому же Темник хорошо понимал, что в ближайший сеанс связи стать хозяином радиogramмы ему не удастся, если не нависнет угроза разгрома базы. А этого, как он знал, не будет, поэтому, сделав свой первый шаг, решил хорошенько выспаться. Наказал, однако же, радисту:

– Как секретарь райкома придет, меня сразу буди. Обязательно. И если случится что – тоже. Не жалея.

Не удалось Темнику даже заснуть. Только стянул сапоги и свалился на топчан, чувствуя полную немоготу, которая оттеснила в едва проглядную даль все мысли и переживания, и тут в землянку вошел радист:

– К вам связной. Первый раз его вижу.

– От кого?

– Мне это знать не положено.

«Вышколен, – подумал Темник, чувствуя, как расслабленность улечивается и как вновь обретает он способность действовать. – Вот тебе и молод. Не даст связи без Первого».

Повелел:

– Пропусти. И сам побудь у входа.

От Пелипей связной. Из тех, кто втемную использовался. Жил в деревне, землю пахал, скот растил, будто и войны нет и не фашист хозяин. Без видимого недовольства, даже с охотой сдавал все, что требовали от него оккупационные власти, не саботировал, но и для партизан у него всегда припасены бывали продукты. И роль связного охотно выполнял. На этот раз принес устное сообщение и письмо. Семейное письмо. Тоска в нем, что врозь приходится им так долго жить. Связной не был посвящен ни во что, он вполне верил, что служит делу священной борьбы с захватчиками, и, попади он в руки полиции, любые бы выдержал пытки, а сами фашисты ничего не смогли бы, по его мнению, понять, от кого письмо, кому и когда писано. А Темник только развернул его, пробежал по строкам и – все понял. Остался, правда, спокоен. Спросил:

– Какие новости?

– Очень плохие. Каратели готовятся. Полицаи в основном, но и эсэсовцы есть. Самолеты еще запросили. Бомбить, стало быть, базу станут.

– Когда начало операции?

– На рассвете завтра.

– Назад, выходит, не успеешь... Что ж, с нами будешь. Только в бой не лезь. Не дай бог кто из полицаев тебя заприметит. Ты нам как воздух нужен. Без пятнышка. Мужиком-хозяйчиком, кому любая власть сподручна. Понял? Отдыхай иди.

Подождал, пока связной покинет землянку, и попросил радиста:

– Нужно выходить на связь.

– Сеанс пропущен. И потом...

– Я все понимаю, но и ты пойми обстановку. Мне нужно получить инструктаж, что делать с освобожденными. Оружие наконец нужно! Сейчас они же – толпа. По экстренному каналу выходи.

– На обычный канал мне хозяин без его разрешения запретил выходить, а экстренный... Нет, увольте!

– Твое упрямство может дорого нам обойтись!

Вышел решительно из землянки. Пусть думает. Последняя фраза в любом споре гвоздем вбивается в сознание. От природы так у человека.

С великим трудом пробуждались уставшие партизаны, а бывших узников команда «Подъем!» встрепенула, будто острым шилом. Повскакивали и озираются испуганно: не вдруг привыкнут они к свободе, в новинку она им. Обмякли затем, вспомнив о свалившемся с неба счастье, и стоят, ожидая, чего ради сон прерван. И партизаны подниматься начали. По-мужицки неспешно. Пули не свистят, чего ж прыть выказывать? Не скакуны они.

– Стройся! – командует Темник. – Освобожденные – на левый фланг.

А фланг этот внушительней правого. Только не бойцы они без оружия. Обуза – вот кто они. Всем это понятно. Но Темник именно с этого начал:

– Душ у нас добавилось изрядно, но силы те же, а нам предстоит бой. Каратели на нас изготовились. Утром заявятся. Самолеты еще вызваны. Ворчали вы, наверное, когда велел я маскировать лагерь, а не зря, выходит. Поступим сейчас так: начальник тыла Акимыч еще раз маскировку землянок и траншей проверит. Все освобожденные – в его распоряжение. Остальные – в распоряжение начальника штаба. Мой резерв – десять человек с двумя пулеметами.

На остров, к Кокаскерову, повел партизан сам. Велел все собрать, во что можно набивать землю: мешки, матрасовки, плащи, телогрейки и даже исподнее, у кого запасное есть. Глубокие окопы рыть нет уже времени, а куль земляной – защита добрая от пуль и осколков. Правда, от бомб – тут как бог распорядится, но бомб много ли будет, а пули, известное дело, роem полетят. Автоматы – скороговористые штуки.

Вернулся к полуночи. Зажег коптилку и – за письмо. Теперь уже основательно. Каждую фразу перечитывал, стараясь ничего не упускать. И страшно стало от понимания того, что едва не разоблачил его и Пелипей секретарь райкома. Убрали всех: священника, сторожа и,

конечно, секретаря райкома. Не вернется в отряд и «глаз шефа». Доброе дело сделал он и получил повышение.

Вполне понятным Темнику становился строгий приказ Первого не выходить на связь с центром без его личного распоряжения. Его, Темника, опасался Первый. Его подозревал. Верхоглядел, выходит, он, Темник, не все учитывал. И еще неизвестно, чем этот срыв окончится? Если шеф-щеголь предположит, что подозрения секретаря райкома известны многим, он либо всех их уберет, либо...

«А не грядет ли расплата?! Самолеты вызваны!..»

Нет, не до сна ему теперь было. Во всем он видел опасность, даже в том, что послан к нему не верный им связной, а болванчик. Приберегли того, своего.

«Все! Конец!..»

Так и не смежил глаз Темник, с замиранием сердца ожидая начала стрельбы или самолетного гула. Они, самолеты, и исполнят волю шефа. Не верил даже письму, где Пелипей сообщила, что с рассветом начнут наступление каратели, а самолеты прилетят значительно позже. Но когда в им же установленное время дежурный, постучав для успокоения совести, вошел в землянку, Темник не вскочил, а прикинулся спящим, заставив трясти его за плечо. Логично все: переутомился. Поднял наконец голову и, будто войдя в реальность, быстро вскочил и начал одеваться. Приказал торопливо:

– Подъем всем. Живо! Акимыч пусть уводит освобожденных к старой гати. Если что – первыми уходить станут. Остальным – в окопы. Боеприпасы все рассредоточить по окопам и траншеям. Впрочем, постройте отряд.

Вышел на поляну, повременив чуток. Подождал, пока не успокоятся шеренги, и повторил все то, что приказал дежурному. Закончил просьбой-предупреждением:

– От нас зависят жизнь – и наша, и освобожденных. Все делать нужно быстро и точно. Стоять насмерть, если нужда определит. Все! По местам.

Не сразу повел Акимыч бывших военнопленных к тыльному болоту, вначале заставил разносить боеприпасы по окопам и траншеям, к пулеметным гнездам и, лишь когда опустела вовсе землянка-склад, скомандовал:

– Ну, с богом! Пошли.

Еще два часа, непонятно долгих, беспокойных, в жуткой тишине. Хотя какая вроде бы тишина в лесу – заливаются птицы неумолчные, да только не слышит их Темник, уши его туда, где заслон, нацелены. А там – тихо. Солнце уже пригревает, ласкает нахмуренно-озабоченное лицо, только зря старается: не тепло и ласка видятся Темнику сейчас, а только факт, что день грядет, а там, впереди, тихо.

Наконец застрекотало вроде бы. Точно. Винтовки хлопают. Пулеметы, кажется, тоже затараторили. Утихло потом все. Добрых полчаса прошло, прежде чем вновь ожил остров засадный. Вот уже и гранаты заухали. Это плохо. Близко, выходит, подошли каратели.

Вновь замолкло все. Неужто смяли заслон?! Через час здесь тогда будут. Нет, вновь ожили автоматы, винтовки и пулеметы.

«Слава богу!..»

Орудие надрывно кашлянуло в дальней дали – голову даже втянул Темник. Взрыв. Там, где заслон.

«Слава богу!..»

Еще. Еще. Еще. И самолеты летят. Над базой разворачиваются. Сейчас бомбами сыпнут, и – все! Нет, уходят. К заслону. Туда начали швырять щедрые пригоршни смертоносных гостинцев. Даже здесь почувствовалось, как ходуном заходила болотами подточенная земля. Но Темник не о тех думает, кто оказался на ладошке перед налетевшим с воздуха врагом, для кого лишь одна защита – болотная податливость земли, которая как бы засасывает бомбы,

ослабляя тем самым их убойность; он снова обдумывает разговор с радистом и выжидает подходящий момент для того разговора. Намерения у Темника одни – драматизируя ситуацию до предела, напугать молодого парня как можно сильнее и в конце концов дожать.

На очередной заход пошли самолеты. Сейчас вновь сыпанут. Темнику как раз этого и надо. Поспешил к радисту и разговор начинает с места в карьер:

– Ты молод, еще не представляешь себе, что такое людская ненависть, и я бы не хотел, чтобы ты познал ее. Но, похоже, тебе этого хочется. Не возражай! Верно – принимать решение тебе, только послушай прежде. Слышишь – бомбы рвутся. Это люди гибнут! А если они погибнут все? Да, мы встанем здесь второй стеной! Но сколько нас? Да, Акимыч уведет по болотной топи тех, кого мы освободили и защитим ценой своей жизни, а дальше что? Они вновь окажутся у фашистов в лапах! Ты не знаешь, что такое плен, – я знаю! Не приведи господи!

Молчит радист. Не перечит. В этом уже надежда. Темник еще жмет:

– Мы не знаем даже, где секретарь. Вдруг у фашистов. И выдал все.

– Не может быть! Он такой сильный!

– Может. Все может. Он здесь сильный. А там? Там, молодой человек, пытаются. Пытают!

Самолеты, заходя на новый круг, вновь пролетели над базой с прерывисто-жутким гулом. Сейчас сыпанут! Нет! Слава богу, мимо. К острову ушли, где заслон. Осерчал вовсе Темник. Отчитывает радиста:

– Когда я требовал замаскировать базу, сомневались многие: зачем, зачем?.. Не убедил я людей, не заставь – теперь бы щепки одни от всего этого остались. Упрямство, когда нет военного опыта, пагубно.

– Наверное, вы правы. Но давайте так... Я вызову от имени хозяина.

Нет, не устраивала подобная уступка Темника. Завтра утихнет все, и снова его не впустит этот юнец в землянку. Не годится такое.

Упрекнул:

– Врать – самое неподлейшее дело в жизни. Нет секретаря райкома, значит – нет. Доложи об этом. Доложи и что обстановка критическая. Получи разрешение передавать мои донесения. Пока не вернется Первый.

– Ладно. Вызываю по экстренному каналу.

Для тех, кто принимал радиограмму, Темник был известен. Секретарь райкома передавал, в каком партизанском отряде он обосновался, поэтому согласие на связь с ним поступило сразу, а затем последовало и решение: освобожденными пополнить партизанские отряды района. После того как будут отбиты каратели, прилетит самолет с оружием, боеприпасами и продуктами. Раненых и больных он заберет.

Ликует Темник. Есть связь! Есть! Его фамилия там, в центре! Теперь, если что, а сводки не очень утешительные, на шефа-щеголя можно махнуть рукой. С Пелипей, правда, как быть? Жена как-никак. Вдовцом остаться? Видно будет. Сделано главное: есть связь. Только не пошли бы полицаи и эсэсовцы дальше острова, не смяли бы заслон.

Откуда знать было Темнику, что все шло по плану, прежде разработанному фашистами: он, Темник, работал не столько на сегодняшний, сколько на завтрашний день. И сам он нужен был им не только сегодня...

Глава третья

Празднично начался день для Владлена и Лиды, празднично и закончился. Все сложилось удачно до неправдоподобности. Еще накануне выползла на небо черная туча, ворча сердито на испепеленную жарой степь, а та в ответ взвихривала непроглядную едкую пыль, словно старалась вымолить у тучи снисхождения и благодати. Снизолла туча, сжалилась, полилась струйно на иссохшую землю, раскатисто хохоча и вспыхивая радостью за щедрость свою. Едва зенитчики успели зачехлить орудия до ливня, а потом долго стояли под дождевыми потоками, наслаждаясь долгожданной прохладой. Миновала гроза, громовые раскаты уже утихли где-то за горизонтом, но не обласкало солнце досыта напоенную и выкупанную степь, небо так и не прояснилось, нудная серость нависла от горизонта до горизонта, и заморосил нудный дождик, словно осень наступила.

Радостен он для зенитчиков. Ох как радостен! Полное они имели право расслабиться, не боясь проглядеть фашистские бомбардировщики. И молят все, чтобы не только вечер моросил дождь, но и ночь. Пусть даже и следующий день – чем дольше, тем лучше.

Только у комбата свое есть по такому случаю желание: ему солнце подавай, чтобы проселки высушило. С утра еще ушли три машины за снарядами и патронами, а по грязи вряд ли смогут пробиться к хутору, обложенному со всех сторон степью. Но небо сооблаговолило убажить не комбата, а всех остальных, хотя они не командиры и уважения, стало быть, достойны меньшего. Не понять было утром, где кончается степь, где начинается небо – все слилось в серое однообразие. И никаких звуков. Безмолвный дождик. Промозглый.

Комбат сокрушается:

– Боезапас на нуле без малого. А ну налетят?..

– Куда им! – успокаивают его «старика». – Не бывало еще такого, чтобы в тучах фашист летал. Белоручка он. Хотя и вояка.

– Так-то оно так, – соглашался комбат, – только беспокойно на душе, когда запас мал.

– Пробьются. Особенно Иванов. Он как по маслу по этакой слякоти...

Все так и вышло. Одолеп ефрейтор Иванов грязюку, привез снаряды и патроны, опередив всех, но главное – почту доставил. Потому и спешил. Богусловскому первому вручил письмо.

– От родителей. С Дальнего Востока, – сообщил он и еще постоял рядом, наблюдая, как тот поспешно вскрывал конверт. Вздохнув, добавил: – Не терпится узнать, благословили аль нет?

Теплилась у самого мысль: вдруг упрямство проявят.

Если Иванов упрямства того ждал с тайной надеждой, то Богусловский просто боялся его. Истосковался он, ожидая родительского благословения. Все передумал. Недобрые даже мысли в голову лезли, обидные. Вот и разрывал лихорадочно конверт.

После того ночного объяснения в любви их с Лидой водой не разлить. Чуть свободен час – вместе уже. Еле-еле расстанутся после отбоя, чтобы в своих землянках продолжать думать друг о друге. Уж ни для кого на батарее не секрет их любовь, но ни разу никто их не вышучивал, не позубоскалил никто. Видели: чисто и всерьез. Не просто фронтовой романчик командира с подчиненной, какие часто встречаются – война, дескать, все спишет. Нет, здесь так, будто мирное время. Комбат даже не выдержал, посоветовал им жениться официально, чтобы, значит, лейтенант Богусловский подал, как положено, рапорт. Владлен рад такому приказу, да и Лида не перечит – только, как она определила, после совета с родителями.

– У меня дедушка в Москве, – обрадованно сообщил Владлен, будто совершенную новость, хотя рассказывал о нем не единожды. А с ее родителями он вроде бы давно был знаком, привык к ним, так много наслушавшись ласковых Лидиных рассказов о них. – Поедем к твоим и к дедушке!

– Хорошо.

В Москву повез их ефрейтор Иванов. По той же самой дороге, по которой вез растерявшегося лейтенанта. Но и он не тот, да и дорога иная, не втиснутая в обтаявший снег, узкая и колдобистая, – теперь за опушкой стелилась она до самого шоссе посеревишим от сухости полотном, отороченным яркой желтизны мехом из мать-и-мачехи. Завораживает.

Выпрыгнул Владлен из машины, нащипал споро букетик и подает Лиде:

– Цвет любви!

– Да. У древних так он почитался...

Прижала к губам букетик и примолкла, вовсе не внимая тому, о чем балаболит почти без умолку Иванов. Тщетно и Владлен пытался втянуть ее в разговор. И только когда миновали последний перед въездом в Москву контрольный пункт, спросила ефрейтора Иванова:

– Староконюшенный не по пути?

– Крюк невелик. Только не пустят через Садовое. У Бородинского моста высажу. Лады?

– Лады, – с улыбкой согласилась Лида. – Другого выхода нет.

С почтением вступил Владлен на мост. Нет, он в тот миг вовсе не думал о том, что по нему проезжал Кутузов после Бородина, шли русские молодцы-солдаты, надломившие наполеоновское войско на Бородинском поле, что по нему проходили красногвардейцы-рабочие бить беляков, защищать свою власть, а в ноябре сорок первого суровые колонны, сбив ногу, но не потеряв равнения, двигались и двигались на запад, чтобы бить смертным боем фашистов – нет, Владлен был занят вовсе иным: он пытался представить отца и мать невесты, искал верный тон разговора с ними, воображая самые неожиданные варианты, но собранность, чувство причастности к великому, к ратной истории России (он же тоже защитник Москвы) жило в нем и волновало его независимо от его сиюминутных мыслей.

Лида тоже молчала, и Владлена удивляла та уверенность, с какой шла она домой за родительским благословением, вовсе не зная, дома ли они. Писем, как знал Владлен, она не получала, а другой связи в то время не существовало.

Он долго не решался спросить об этом Лиду, но в конце концов осмелился:

– Ты думаешь, дома твои отец и мать? А вдруг...

– Дома, – с поразившей Владлена грустью ответила она. – Дома. – Вздохнула, еще больше озадачив Владлена, но через малую паузу, словно не было у нее никакой грусти, не было никакого вопроса, заговорила тоном учителя или экскурсовода: – Любуйся. Смоленская площадь. Возникла она, скорее всего, когда вернула Россия в свое лоно Смоленск, вызволив его из рук ливонцев. А может, позже, когда стал он щитом Москвы от захватчиков с Запада. Каждая улица Москвы – наша с тобой история, наша древность...

Древностью здесь вовсе не пахло. Будто инкубаторские близнецы, коробки с ровными рядами однообразных окон никак не могли претендовать на древность. Они и строились-то, видимо, тогда, когда возникло многоголовое и многоликое чиновничество, которому по карману были лишь меблированные комнаты. И теперь в них, видимо, живут те же люди, только называются они иначе – совслужащими. Все это не древность.

Дома старинной кладки, после наполеоновского горения, стали попадаться позже, на более старых улочках и переулках Москвы, по которым Лида вела, петляя, Владлена. Он шел послушно рядом, вовсе не думая, что к Лидиному дому есть совсем короткий путь, но она медлит, оттягивая трудные для себя, да и для Владлена, как она разумно считала, минуты.

Привела все же суженого Лида к своему дому. Толстостенный, с мощным фундаментом из нарочито грубо обработанного гранита. Основательно стоит. Внушительно.

«Купца-первогильдийца, должно быть», – определил Владлен, но, когда вошел в вестибюль, изменил свой скороспелый вывод: даже намек здесь не было на купеческую безвкусную основательность. Наоборот, царила здесь изящная гармония мрамора, гипса, гранита, дуба и

потемневшей при непригляде меди. И странное дело: темная, местами с прозеленью медь эта нисколько не создавала впечатления запущенности.

– До войны здесь у нас было так прекрасно, так весело! Танцы под патефон, игры разные. Для мужчин – шахматный столик. Старинный, мраморный.

Промокнула платочком повлажневшие глаза и решительно пошагала по ступеням, позвав требовательно Владлена:

– Пошли.

Никак Владлен не мог себе представить, что в этом тихом-тихом доме есть кто-либо живой, есть родители Лиды и они встретят их радостными восклицаниями. Не верилось в это. Противоестественным сейчас прозвучал бы здесь любой громкий, а тем более радостный голос. И чем выше они поднимались, тем все более неуверенно чувствовал себя Владлен, продолжая все так же приноравливать свой шаг к Лидиному. Вопросов не задавал.

Остановилась Лида у обитой темно-коричневой кожей двери, поглядела на звонок, еще более погрузившись лицом, достала ключ и, отперев дверь, пригласила:

– Входи.

Темно и тихо. Застойный тлен. Давно нежилая квартира. Какие тут родители?!

А Лида, посторонив его, растерявшегося, озадаченного, прошла в комнату, отдернула тяжелые бархатные шторы, а затем и черную светомаскировочную занавеску – косые лучи резанули затхлую тишину комнаты, высветив белесую пыль на зеркальной мебели, на картинах и на портретах молодых мужчины и женщины, висевших, словно иконы, в переднем углу в толстых багетовых рамках.

Лида подошла к портретам и встала, низко склонив голову:

– Здравствуйте.

Всего мог ожидать Владлен – только не этого. Мистика! Никак не решался переступить порог комнаты и ждал, не позовет ли его Лида.

Не зовет. Стоит согбенная, до боли жалкая. Не Лида вовсе, а совсем иная девушка, бесформенно-сырая. Комок к горлу подступил у Владлена. Осторожно, чтобы не топтать каблучками тяжелых яловых сапог, подошел Владлен к Лиде. Положил руку на плечо. Она повернула голову, грустные глаза ее вспыхнули светлостью, прижалась к нему с такой же робостью, как прижималась на позиции, когда выныривал из темной темени наш истребитель и прошивал смертельной очередью фашистский самолет, закрешенный прожекторными лучами. Как и тогда, теперь тоже пугливо вздрагивала.

Молчали. Владлен успокаивающе поглаживал Лидино плечо, смотрел на портреты ее родителей – не изучал, как делал бы это зрелый мужчина, а просто смотрел, вовсе не пытаясь понять ни их характеров, ни их интеллекта; он понял лишь одно – что отец Лиды из высшего начсостава, а мать – женщина интеллигентная, и этого ему было вполне достаточно. Спросил только:

– Где они?

– Отец – в Испании. Никогда не вернется. Мама не пережила известия. Сердце, – ответила Лида и будто поперхнулась вздохом, закашляла и зарыдала.

Владлен подхватил ее на руки, уложил на обитый золотистым бархатом диван, не зная вовсе, как успокоить ее. Стал целовать.

Утихла Лида так же вдруг, как и разревелась, и Владлен, в какой уже раз, подумал, даже с завистью: «Волевая!»

Потом они вновь прикрыли окно светомаскировочной занавеской, хотя делать этого не нужно было вовсе – света некому зажигать, задернули тяжелую штору и только после этого покинули негостеприимную квартиру. И чем дальше от нее уходили, тем спокойней становилась Лида, все чаще одаривая Владлена любящим светлым взглядом, успокаивая его. Владлен понимал ее: она давно пережила горе, свыклась с ним, и возврат к прошлому не может теперь

быть слишком болезненным. Он понимал это, но на душе у него от этого понимания не становилось легче: он-то впервые соприкоснулся с трагедией, которая прямо-таки потрясла его, и он никак не мог прийти в себя, вновь и вновь, от начала и до конца, переживал все услышанное и увиденное. Жалость к любимой такая, хоть вой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.